

СОЧИНЕНІЯ
КНЯЖИНА

(ЯКОВА БОРИСОВИЧА.)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КНИЖН. МАГ. П. КРАШЕНИННИКОВА И КОМП.

1847.

Дорогіє друзья!

Представляемъ вамъ трагедію Якова Борисовича Княжнина «Владиміръ и Ярополкъ». Она написана въ 1772 году. Сюжетъ пьесы заимствованъ изъ русскихъ лѣтописей. Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» имѣется лѣтописный разсказъ объ убійствѣ Владиміромъ Святославичемъ его брата, кievскаго князя Ярополка. Тамъ же говорится о притязаніяхъ обоихъ братьевъ на полоцкую княжну Рогнѣду.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ источникомъ отъ 1847 года ¹ съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Княжнинъ, Я.Б. Владиміръ и Ярополкъ // Сочиненія Княжнина (Якова Борисовича). Т. 1. [Драматическія произведенія] [Текстъ]: [въ 2 т.]. – Санктъ-Петербургъ: Изд. А. Смирдина, 1847 (Въ тип. книжн. маг. П. Крашенинникова и комп.). – [6], 720 с. – (Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ). – С. 309–383.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ
КНЯЖНИНА

(ЯКОВА БОРИСОВИЧА.)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 12 декабря 1846 года.

Ценсоръ *С. Куторга.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ типографіи книжн. маг. П. Крашенинникова
и комп.
1847.

ВЛАДИМІРЪ и ЯРОПОКЪ,

ТРАГЕДІЯ

въ

пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩЕ.

Ярополкъ, князь кіевскій.

Владиміръ, князь новгородскій.

{ сыны Святослава,
князя
всероссійскаго.

Рогнѣда, княжна полоцкая.

Клеомена, княжна греческая, плѣненная
Святославомъ при покореніи Херсонеса и
живущая у Ярополка.

Свадель, вельможа Ярополковъ.

Вадимъ, вельможа Владиміровъ.

Вальмира, наперсница Рогнѣдина.

Дѣйствіе въ Кіевъ, въ княжескихъ чертогахъ.

ВЛАДИМІРЪ и ЯРОПОЛКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

СВАДЕЛЬ.

Въ печальныхъ Кіева стѣнахъ Вадима зря,
Могу ль надѣяться, что тихая заря
По грозныхъ буряхъ намъ отъ Волхова блистаетъ?
Ужель Владиміръ мечъ злодѣйственный влагаетъ,
Который въ ярости на брата устремлялъ?
Россію росскій князь Россіей истреблялъ!
Ужель отрада есть стнящему народу?

ВАДИМЪ.

Сомненья не имѣй; и радуйся приходу
Владимира въ сей градъ. Внимай желанну вѣсть,
Творящую тебѣ, Свадель, безсмертну честь;
Вкушай плоды твоей къ отечеству любви.
Ты словомъ заградилъ потоки общей крови,
Изъ рукъ исторгнувъ мечъ у князя моего,
Изъ тигра въ агнца ты преобратилъ его.
Увѣдомлень тобой, что жаръ исчезъ той страсти,
Въ которой Ярополкъ, Россіянъ для напасти,
Рогнѣдою горя, ему соперникъ былъ,

Въ раскаяніе гнѣвъ Владиміръ премѣнилъ;
И, чая окончатъ онъ страстна сердца стоны,
Быть добродѣтельнымъ не зреть себѣ препоны.

СВАДЕЛЬ.

Блаженства общаго, о, гнусная вина!
Къ чему, Россія, ты теперь приведена
Волненіемъ страстей твоихъ князей строптивыхъ!
Твоя зависитъ часть отъ взоровъ женъ кичливыхъ.
Страна героевъ, днесъ игралище любви,
Вѣрнѣйшихъ чадъ твоихъ ты плаваешь въ крови:
Но меньше ль и тогда ты будешь униженна,
Какъ злоба братьевъ сихъ пребудетъ прекращенна?

ВАДИМЪ.

Иль новая грозитъ отечеству напасть?

СВАДЕЛЬ.

Та жъ самая любви толь пагубная страсть
Несчастій нашихъ видъ лишь только премѣняетъ;
Раздоры потуша, намъ низость представляетъ
И въ ново бѣдствіе влечетъ сію страну.
Ты знаешь греческу плѣненную княжну,
Сію унылую, прекрасну Клеомену?
Она содѣлала толь чудную премѣну:
И слабый Ярополкъ, Гречанкой ослѣпленъ,
Рогнѣду позабывъ, даетъ себя ей въ плѣнъ.
Ты зришь теперь, Вадимъ, что миръ сей устрояетъ.
Любовь одна князей душею управляетъ,
И льстивою маня Россіи тишиной.
Готовитъ свой ударъ надъ Кіевской страной,
А я хочу ихъ влечь, прервавъ гражданъ напасти,

ВАДИМЪ.

Предвижу бѣдствіе и дни безчестьемъ полны.

СВАДЕЛЬ.

Довольно ли, Вадимъ, чтобы ревуши волны
Со берега тщетно зря, въ уныніи стонать?
Намъ должно дѣйствовать и согражданъ спасать,
И, для отечества низвергшися въ пучину,
Погибнуть, иль его предупредить кончину.
Вельможей на чреду поставлены судьбой
На вышней степени на то ли мы съ тобой,
Чтобъ браннымъ возносясь лишь правомъ славна рода,
Во гордой праздности, какъ идолы народа,
Пріемля расточеньъ бесплодно оуміамъ,
Безъ чувствъ, гражданъ своихъ мы зрѣли бѣ слезы,
срамъ,
И блескомъ только титль души скрывая малость;
Что жили мы, о томъ оставили бы жалость?...
Народамъ и царямъ вельможи суть оплотъ.
Коль въ буйности на тронъ волнуется народъ,
Вельможей долгъ его останавливать стремленье;
Но если царь, вкуся величества забвенье,
Покорныхъ подданныхъ во снѣдъ страстямъ поправъ,
Изступитъ изъ границъ своихъ священныхъ правъ,
Тогда вельможей долгъ привести его въ предѣлы.

ВАДИМЪ.

Твоей претвердыя души совѣты смѣлы
Я внемля, слѣдовать тебѣ готовъ во всемъ;
Но вѣрныхъ средствъ не зрю въ намѣреніи твоємъ.....

СВАДЕЛЬ.

Для добродѣтели на всѣ бѣды стремиться,
Любить отечество и смерти не страшиться,
Для счастья своего не льстить страстямъ князей —
Вотъ были способы всегда души моей,
Съ которыми хотя бѣ вселенна, рушась, пала,
Душа бы и тогда моя не трепетала!

ВАДИМЪ.

Я, удивляясь геройству такому,
Превосходящему всеобщую молву,
Коль нашихъ яростныхъ князей воображаю,
Успѣховъ никакихъ себѣ не предвѣщаю.

СВАДЕЛЬ.

Еще не весь для насъ исчезъ надежды свѣтъ.
Любовь ихъ созвала, а слава сопряжетъ.
Взлагая на гражданъ протяжкой власти бремя,
Порочны; но они героевъ нашихъ племя.
Свирѣпства въ ихъ сердцахъ тирановъ нѣтъ прямыхъ;
Лія кровь подданныхъ, о бѣдствѣ плачутъ ихъ.
Къ отрадѣ Россовъ средствъ я много обрѣтаю,
И даже на любовь надежду возлагаю.
Гречанки горестной неборимый хладъ,
Ея презрѣніе на мѣсто всѣхъ отрадъ,
Которыхъ Ярополкъ въ любви безплодной чааетъ,
Мое намѣреніе успѣхомъ увѣнчаетъ.
Я знаю моего кипящій князя нравъ:
Свою возлюбленну въ досадѣ растерзавъ,
Со ненавидимой Рогнѣдой съединится.
Симъ способомъ и самъ Владиміръ исцѣлится.
Лишень надежды всей къ успѣху въ страсти злой,

Исчезнетъ человѣкъ, останется герой.
Вадимъ! любовь всегда съ надеждой погасаетъ.
Но се Владиміръ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ, *самъ къ себѣ.*

Все мои вины вѣщаетъ.

Стыжусь воззрѣть на свѣтъ и сихъ стыжуся стѣнъ,
Средь лавровъ отческихъ, гдѣ былъ я возвращенъ,
Гдѣ добродѣтели великой зрѣль примѣры;
А я... о, рокъ! моимъ злодѣйствіямъ нѣтъ мѣры!
О, бѣдоносна страсть! о, пагубна любовь!
Вокругъ меня моихъ гражданъ дымится кровь!
Остатки зданія разрушенна курятся!
Опустошеніе и смерть повсюду зрятся!
Безславны толь слѣды загладить чѣмъ могу?
Ко брату миръ несу какъ лютому врагу!

Къ Сваделю.

Свадель! зри съ ужасомъ ты сына Святослава.
Увидь чудовище, низринувше всѣ права!
Нелицемѣрный другъ героя и отца,
Какъ долженъ презирать ты русскихъ бѣдъ творца!

СВАДЕЛЬ.

Терзался, зря тебя порочна, развращенна,
Могу ли не любить въ путь славы обращенна?

ВЛАДИМИРЪ.

Меня?... но какъ врага отечества жалѣть,
Который самъ себя не долженъ бы терпѣть,
Который громъ небесъ злодѣйствомъ привлекаетъ,
Котораго сей громъ на то не истребляетъ,
Что не достоинъ онъ быть Небомъ пораженъ,
А только челюстью лишь ада поглощенъ?

СВАДЕЛЬ.

Съ собою принося отечеству отраду,
Прерви противъ себя толь смертную досаду.
Несчастьемъ приведенъ порочнымъ, лютымъ быть,
И славу возлюбя, ты долженъ позабыть,
Что совѣсти твоей грызенія питаетъ.
Ко славѣ на пути тотъ медленъ, кто страдаетъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Намѣсто, чтобъ мои страданья укрощать,
Ты горести мои старайся умножать.
Къ усугубленію полезнаго мученья,
Коль можешь, увеличь мнѣ совѣсти грызенья,
Убійца яростный Рогнѣдина отца,
Рушитель града ихъ и хищникъ ихъ вѣнца,
Врагъ брату моему, Россіи возмутитель,
И смертныхъ и боговъ кровавый оскорбитель,
Вселенной ужасъ, страхъ и извергъ естества,
Кому лишь фуриі едины божества...
Когда бъ не совѣсти терпѣль я казни строги,
Забылъ бы, можетъ быть, что мстители есть боги.

СВАДЕЛЬ.

И такъ, толь сильнаго раскаянія гласъ

Вѣщаетъ ясно мнѣ, что огонь вражды угасъ,
Которымъ пожираль Россію ты несчастну;
Что жизнь минувшую и мрачну, и ужасну
Кляня, покажешь всѣмъ, что сынъ героя ты.
Дерзай преобратить прошедшее въ мечты.
Свирѣпа, гнѣвнаго, любовью униженна
Забудь Владиміра въ пороки погружена
И будь Владиміромъ грядущимъ славы въ путь.
Къ отечеству твою наполнивъ жаромъ грудь,
Искореня навѣкъ вражду въ объятяхъ брата,
Яви, что всякая тебѣ сносна утрата,
Когда отечество возможешь ты спасти.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ должно ль жизнь ему на жертву принести?

СВАДЕЛЬ.

Велика ль жертва та, чтобъ только жизнь утратить?
Обыкновенный духъ такой цѣною платить.
Какой Россіянинъ, отечество любя,
На пользу общества не принесетъ себя?
Но одолѣть себя для счастья народа,
Презрѣвъ отрады всѣ, прельщаетъ чѣмъ природа,
Жить для отечества страдая и крушась....

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу!... трепещу!... какой ужасный гласъ!..
Рогнѣда!... Ярополкъ!... я самъ себя страшуся....
И такъ обмануть я, надеждой тщетной льщуся?...
О, Небо! ты, такимъ несчастьемъ мнѣ грозя,
Злодѣйства упреди, меня въ сей часъ разя.

СВАДЕЛЬ.

Такъ, благо общества, великихъ душъ утѣха,
Лишь страсти твоя зависить отъ успѣха?
Коль гнѣва твоего отринется ударъ,
Не твой ужъ будетъ то, любви то будетъ даръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я къ добродѣтели теку, въ ней славу вижу;
Но безъ Рогнѣды все опять возненавижу.

СВАДЕЛЬ.

Что сердце отвратилъ свое твой братъ отъ ней,
Ни малаго о томъ сомнѣнья не имѣй.
Стенаньемъ гордости, свидѣтелемъ измѣны,
Рогнѣда подтвердитъ сей истину премѣны.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ будешь ты моя!... Но, ахъ! въ драгихъ очахъ
Лютѣй чудовищей, носящихъ смерть и страхъ,
Какою льститься я могу отъ ней любовью?
Какъ, обагренному ея дражайшей кровью,
Предстать мнѣ ей, и чѣмъ то сердце преклонить,
Которое я такъ свирѣпо могъ разить?
Вотъ право: я ея породы истребитель!
Вотъ титло: я всего отечества губитель!
Влекомый фуріей, а не любви рукой,
Любезной достигалъ кровавою рѣкой.

СВАДЕЛЬ.

Хоть раны, данныя тобою, и глубоки —
Но бѣдства прошлыя не столько намъ жестоки.
Всю злобой упоя, презрѣнная любовь

На брата твоего ея волнуетъ кровь
И лютость ей твою въ забвеніе приводитъ.
Надежды нѣкій лучъ мой духъ тебѣ находитъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Чтобъ праведну ея мнѣ злобу истребить,
Скажи, что дѣлать мнѣ, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Героемъ быть.

И брату показавъ весь стыдъ его безъ лести,
Подать ему самимъ собой примѣры чести,
Явить его глазамъ, что ты, забывъ вражды,
Дабы загладить всѣ отечества бѣды,
Вознесши гордый духъ превыше мрачной страсти,
Освободилъ себя ея позорной власти.
Гнушайся явно тѣмъ, что твой порочный братъ
Во славу не ища равно, какъ ты, отрадъ,
Любовью предъ тобой во узахъ Грековъ связанъ,
Того не помнитъ, чѣмъ отечеству обязанъ:
Представъ ему... Но мнѣ ль героя наставлятъ,
Какъ долженъ онъ себя героемъ представлятъ.
Могу ли такъ вѣщать, какъ действовать ты можешь?
Когда отечества бѣдамъ конецъ положишь,
Когда изъ братнина исторгнешь сердца ты
Россіи вредныя Гречанки красоты,
Тогда со славою предстанеши Рогнѣдѣ:
Она, узрѣвъ тебя въ преславной сей побѣдѣ,
Всю ненависть къ тебѣ въ почтеніе превратитъ:
Герой лишь будетъ зримъ, а врагъ ея забыть.
И гордый духъ ея, измѣной оскорбленный,
Жестоко желчію презрѣнья упоенный,

Измѣннику врага, конечно, предпочтетъ,
Котораго любовь виной ея всѣхъ бѣдъ.
Скорѣе мы враговъ удары забываемъ,
Какъ оскорбленья тѣхъ, которыхъ обожаемъ.
Се братъ твой! Помни; чтобъ Рогнѣду заслужить,
Героя долженъ ты теперь въ себѣ явить.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМИРЪ, ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ЯРОПОЛКЪ.

Мнѣ боги наконецъ щедроту изъявили:
Россіи счастье, мнѣ брата возвратили,
Который на меня такъ люто оруженъ....
Но что, забудемъ то, чѣмъ духъ нашъ униженъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Возримъ на тѣ мѣста, гдѣ наша злоба дышетъ,
Кровавой гдѣ рукой безчестіе намъ пишетъ,
Гдѣ слышанъ стонъ гражданъ, и гдѣ, о, вѣчный стыдъ!
Братъ брата своего, и сынъ отца разить.
Пріемля отъ князей своихъ примѣры яры,
Герои днесъ стремятъ разбойничьи удары.
То само воинство, съ которымъ Святославъ,
Великій нашъ отецъ, ко славѣ путь начавъ,
Толь часто потрясалъ престолъ коварныхъ Грековъ —
Подъ властью нашею презрѣнье челоуѣковъ.
Сражаясь съ собой за нашъ Россія стыдъ,
Сама себя во грудь своимъ мечемъ разить.
Давно вѣнцы на насъ; что жъ дѣлаемъ на тронѣ?

Мы страстны, государь, а подданны во стонѣ.
Князья ли мы? и въ чемъ Владиміръ, Ярополкъ,
Для блага подданныхъ, исполнили свой долгъ?
Который гражданинъ, утѣшенъ нашей властью,
И скиптра нашего не чтя себѣ напастью,
Въ восторгѣ радости вкушая сладость слезъ,
Князей своихъ нарекъ щедротою небесъ?
Ліются токи слезъ, но горестъ проливаетъ;
Подъ властью нашей все дрожить и унываетъ;
Все гибнетъ пламенемъ и гибнетъ все мечемъ.
Мы правимъ здѣсь; а мы въ погибель все влечемъ.
Отечества враги на троны вознесенны,
Какъ терпятъ боги насъ, злодѣйствомъ
раздраженны?...

Но слезы вижу я, мой братъ, въ очахъ твоихъ.
Не тщися удержать стремленія ты ихъ.
Не слабость то, когда отечество страдаетъ.
Природы извергъ тотъ, кто жалости не знаетъ.
Пускай въ свирѣпости стыдится слезъ тиранъ:
Не слезы днесъ текутъ, но счастье гражданъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ! если бѣ чувствія толико благородны,
Къ которымъ кажемся довольно оба сродны,
Мой братъ, давно пріявъ, себя преодолѣлъ,
Когда бѣ, предвидя зло, онъ слезы лить умѣлъ:
Онъ брата бѣ не привелъ къ защитѣ устремиться,
И храбрости своей противъ него стыдиться.

ВЛАДИМІРЪ.

Но толико ли сіе унижаетъ насъ,
Чѣмъ я виновенъ былъ, забывъ природы гласъ?

Есть бѣдства безъ меня Россіи къ униженью:
Я слышалъ, общаго врага къ возстановленью,
Плѣненный плѣнницы заразами твоей,
Во уожденіе ты слабости своей,
Въ дарахъ горящія твоей любви безмѣрень,
Побѣды помрачить россійскія намѣрень?

ЯРОПОЛКЪ.

На пользахъ скипетра я вѣся власть мою,
Съ престола никому отчета не даю.
Симъ бракомъ утвердя владѣнье здѣсь безбѣдно,
Въ томъ пользу я найду, что кажется быть вредно.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ тщетно нашъ отецъ для Россовъ побѣждалъ?
Чтобъ славны были мы, вотще того желалъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Онъ свой престолъ возмогъ побѣдами прославить;
Я миромъ возмогу ту честь себѣ доставить.
Но то, что мной еще доднесь не рѣшено,
Не будетъ, можетъ быть, и ввѣкъ совершенно.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ можетъ, государь, еще Рогнѣда льститься?...

ЯРОПОЛКЪ.

За тѣмъ ли здѣсь мой братъ, чтобъ только извѣститься,
Кѣмъ духъ пылаетъ мой? ты миръ ко мнѣ принеси.
Ко благу общества или твой жаръ исчезъ,
Или къ избранью здѣсь любовницъ мы стремимся?
Оставимъ слабости и оныхъ устыдимся.

Что въ томъ, Рогнѣдѣ ли, Гречанкѣ ль я супругъ,
Когда отечество любя, тебѣ я другъ?

Къ Сваделю.

Поди, Свадель, и градъ наполнивъ торжествами,
Народу возвѣсти желанный миръ межъ нами.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА.

ЯРОПОЛКЪ.

Прихода твоего что мнѣ считать виной?
Или увидѣться желала ты со мной?

КЛЕОМЕНА.

Я шла къ мѣстамъ, гдѣ братъ мой заключенъ,
страдаетъ.

И тщетно отъ Небесъ спасенья ожидаетъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Спасти его одна возможетъ власть твоя.

КЛЕОМЕНА.

Лишенная всего, могу ль что сдѣлать я?

ЯРОПОЛКЪ.

Все можешь, все; и бывъ вселенной мнѣ милѣе,
Оружья Грековъ всѣхъ едина ты сильнѣе.
Польсти хоть взоромъ мнѣ твоихъ драгихъ очесъ —
И брату въ тотъ же часъ подвластенъ Херсонесъ.

КЛЕОМЕНА.

Ты брату наградишь всю счастья премѣну;
Но чѣмъ обрадуешь печальну Клеомену?
Что въ томъ, что буду здѣсь на тронѣ обладать?
Величье счастья не можетъ намъ подать.
Могу ли позабыть, терзаясь повсечасно,
Сколь было ваше намъ оружіе ужасно?
Ты брату возвратишь державу и вѣнецъ;
Но гдѣ любовникъ мой, скажи, и гдѣ отецъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Погибъ любовникъ твой и твой отецъ навѣки:
Но я остановить хочу слезъ горькихъ рѣки,
Исторгнуты изъ глазъ твоихъ отцемъ моимъ;
Я все презрѣвъ, хочу супругомъ быть твоимъ.
Иль славныхъ Россовъ князь не стѣитъ мрачна Грека,
Однимъ родствомъ царямъ извѣстна челоуѣка,
Который въ счастья изъ гроба мнѣ претить?

КЛЕОМЕНА.

Мой князь! сей Грекъ, кого твой духъ толь мало чтить.
Герой, за общество пролившій токи крови,
Какимъ ко мнѣ горѣлъ онъ пламенемъ любви,
Ты видишь, о, мой князь! изъ токовъ слезъ моихъ.
И, ахъ! ты слышишь то въ стенаньяхъ горькихъ сихъ,
Чего былъ сей герой возлюбленный достоенъ.
Мой жаръ къ нему его кончиною удвоенъ.
Лишился жизни онъ, мой духъ навѣкъ плѣня;
Всего лишился онъ, но только не меня.
Онъ сердце горестно, всечасно населяетъ;
Мое стенаніе его одушевляетъ.
Одинъ мой только плачь награда всѣхъ заслугъ,

Въ которыхъ похищенъ его геройскій духъ.
Ввѣкъ будетъ въ мысляхъ жить сія душа геройска,
Сей ужасъ вашего неодолима войска.
Ты помнишь, онъ одинъ, какъ лютой твой отецъ
Стремился съ моего отца сорвать вѣнецъ,
Единый лишь Фаретъ противуполченный,
Любовью самъ себя превыше вознесенный,
Сражаясь, вашихъ всѣхъ мечемъ остановилъ.
Я плѣнна бъ не была, когда бы живъ онъ былъ.
Онъ въ брани палъ, и съ нимъ упали наши стѣны,
И счастье пало все стѣнящей Клеомены.
Героя мнѣ сего возможно ль позабыть?
И, позабывъ его, твоей супругой быть?

ЯРОПОЛКЪ.

Я вижу, что тебя мнѣ должно ненавидѣть,
Я вижу.... но страшись меня во гнѣвѣ видѣть,
Жестокая! страшись въ отчаянье привести:
На жертву мщению все, все могу принести.
Меня теперь и самъ Владиміръ укоряетъ,
Что должность Ярополкъ въ твоихъ красахъ теряетъ,
Что славу я отца, къ тебѣ горя, мрачу;
Но я тебѣ за стыдъ мой вскорѣ отплачу.
Преодолѣвъ себя, чѣмъ должно быть, явлюся,
На гибель Грековъ я со братомъ примирюся.
Я больше сдѣлаю: не могли быть любимъ,
Растерзанъ, огорченъ презрѣніемъ твоимъ,
Я гнѣву моему предѣловъ не увижу:
Какъ смертно я люблю, я такъ возненавижу.
Кровь брата твоего безъ жалости пролью
И оправдаю тѣмъ я ненависть твою.

КЛЕОМЕНА.

И такъ умереть мой братъ несчастень и безсловень.
Лишь только мукою сестры своей виновень!
За что погибнетъ онъ? — что плачу я и рвусь;
Но кто жъ виновень въ томъ, что смертно я крушусь?
Гоненья твоего отца ты самъ свидѣтель;
А братъ невинный мой какихъ вамъ бѣдъ содѣтель?

ЯРОПОЛКЪ.

Блаженство общества, достоинство вѣнца
И слава нашего великаго отца,
Мой долгъ и самъ мой братъ, и все мнѣ возглашаетъ,
Что пламень мой къ тебѣ честь нашу разрушаетъ,
Что лютой страстію, въ чемъ я отрадъ не зрю,
Ко утверженію лишь Грековъ я горю.
Я очи отворилъ и все я вижу ясно:
Коль братъ твой будетъ живъ, для Россовъ то опасно.
Взмужавъ, потщится онъ престолъ свои возвратить
И побѣдителямъ обиды отомстить.

КЛЕОМЕНА.

Достойная вина сердцамъ геройскимъ страха!
Боятся, чтобъ мой братъ, свой павшій тронъ изъ праха
Воздвигнувъ, ополчась, обиды не отомстилъ;
Но кто жъ въ героевъ сихъ опасность ту вселилъ?
Кто въ нихъ внушилъ сей жаръ свирѣпѣйшаго гнѣва?
Младенецъ заключенъ и плачущая дѣва!

ЯРОПОЛКЪ.

Поди, поди обнять ты брата своего;
Но помни то, чѣмъ ты должна спасти его.

=====

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Рогнѣды гордыя не познаю я болѣ:
Ко трону званная еще не на престолѣ.
Невѣрный Ярополкъ, презрѣвши свой обѣтъ,
Тронъ, сердце отъ нея къ ногамъ иной несеть;
А духъ, Рогнѣдинъ духъ не прибѣгаетъ къ мести?

РОГНѢДА.

Кто гнусень предо мной, не стоить гнѣва чести.
Жду съ равнодушіемъ измѣны сей конца,
Чтобъ низостей такихъ презрѣть навѣкъ творца.

ВАЛЬМИРА.

Славнѣ предупредить позоръ отриновенья.
Оставя совѣсти измѣннику грызенья,
Оставь навѣкъ тебѣ противную страну,
Иную видишь гдѣ себѣ предпочтену.

РОГНѢДА.

Не явно Ярополкъ къ невѣрности стремится
И кажется, что онъ злодѣйствія стыдится.
Стократно онъ равно, каковъ всегда бывальъ,
Съ раскаяньемъ къ ногамъ Рогнѣды упадалъ,
И, мукой оправдавъ и столами измѣну,
Мнѣ клялся позабыть навѣки Клеомену.

ВАЛЬМИРА.

Не все ль тебѣ, княжна, не все ли говорить,
И самый сей возвратъ, что сердце не горитъ,
Что презрѣнъ отъ иной, у ногъ твоихъ страдаетъ,
Что онъ свой стыдъ твоимъ позоромъ награждаетъ,
Что не любовь его, но гордость лишь вела,
Что если бъ былъ любимъ, забыта бъ ты была.
Ты плачешь?

РОГНѢДА.

Плачу: стыдъ влечетъ сіи потоки;
Но будутъ слезы тѣ измѣннику жестоки,
Которы не любовь, ни злобы ядъ ліеть.

ВАЛЬМИРА.

Ахъ, если бъ Ярополкъ лишь гнѣва былъ предметъ,
Когда бъ твой духъ отъ узъ возмогъ освободиться,
Которы любить онъ, хотя ихъ и стыдится, —
Невѣрна сердца ты презрѣвъ ничтожный даръ,
Не медлила свершить съ грозою и ударъ;
Иль благороднѣйшимъ вооружася мщеньемъ,
Унизила бъ его сама твоимъ презрѣниемъ,
И удалясь отсель....

РОГНѢДА.

А я хочу здѣсь быть.
Чтобъ радости его любви всякъ часъ мрачить.
Не тщетныя меня надежды обольщенье
Удерживаетъ здѣсь, — едино отомщенье.
Какая радость зрѣть на пасмурныхъ очахъ
Грызенья совѣсти, смятеніе и страхъ,
Мѣшающи въ любовь его свои отравы!

Сей лютой князь уныль среди своей державы,
Всемъ властвуя въ своей пространной толь странѣ,
Имѣя страшну казнь своихъ злодѣйствъ во мнѣ,
Чтобъ ихъ свершить, того онъ будетъ ужасаться.

ВАЛЬМИРА.

Ты будешь между тѣмъ надеждою ласкаться.

РОГНѢДА.

Могу ль иную я надежду днесъ питать,
Какъ только, чтобъ его присутствіемъ терзать?
Вѣрь, если бъ онъ, свою отвергнувъ Клеомену,
Любовію хотѣлъ загладить всю измѣну;
Когда бъ, раскаянья пуская тяжкій стонъ,
Онъ съ сердцемъ бы повергъ опять къ ногамъ мнѣ
тронъ, —
Ты зрѣла бъ отъ него съ гнушеньемъ отвращенну
Меня, къ послѣднему изъ смертныхъ обращенну.

ВАЛЬМИРА.

Но сердце можетъ ли подвергнуться тому,
Что гнѣву гордости угодно твоему?
Въ надеждѣ зрѣть возвратъ, себя ты омрачаешь
Надъ тою пропастью, въ котору упадаешь;
И, льстясь его презрѣть покорнаго себѣ,
Не чувствуешь, какъ миль невѣрный сей тебѣ,
Не чувствуешь, что гнѣвъ презренной страсти
слѣдство,
Утѣха гордости, сугубить только бѣдство.

РОГНѢДА.

Почто передо мной ту бездну открывать,

Которой я сама стараюсь не видать?
Почто, жестокая? Хвали мою побѣду
И мысли ты со мной безстрастну здѣсь Рогнѣду.
Являй всѣ гнусности злодѣя моего....
Въ какія бѣдствія я ввергалась для него!
Лишилась братьевъ я, родителя лишилась!
Когда бѣ измѣнникомъ я симъ не обольстилась,
Цвѣло бѣ отечество и царствовалъ отецъ;
Новградскій бы давно на мнѣ сіялъ вѣнецъ;
Могла бы я сама его страшить на тронѣ.
Презрѣла все, чтобъ здѣсь иную зрѣть въ коронѣ!
Презрѣла все, увы, несчастна! для кого?
Въ комъ вижу лютаго злодѣя моего!
Отъ прелестей любви, чѣмъ духъ мой утѣшался,
Ко трону званной мнѣ лишь только гробъ остался.

ВАЛЬМИРА.

Не гробъ тебѣ судьба готовить, — пышный тронъ;
И князь, котораго тобой былъ презрѣнъ стонъ,
Владиміръ въ сихъ стѣнахъ....

РОГНѢДА.

Сей, князь отвержень мною,
Увидитъ гордую Рогнѣду предъ собою,
Невѣрнымъ презрѣнну, оставленну въ стыдѣ,
Надежды для себя не зрящую нигдѣ!
Сколь нашей бѣдности несносенъ намъ свидѣтель,
Который въ насъ къ себѣ презрѣнья былъ содѣтель!

ВАЛЬМИРА.

Владиміръ можетъ ли Рогнѣдѣ досаждать?
Содѣланно имъ зло стараясь награждать,

И душу давъ и скиптръ, ничѣмъ не востревожить....

РОГНѢДА.

Щедрота вражеска несчастье наше множить.
Онъ будетъ видѣть то, что я, лишась всего,
Ждать помощи должна лишь только отъ него —
И се Рогнѣдино послѣдне униженье.
Въ томъ помощь зрѣть, къ кому питала я презрѣнье!
Услуги будутъ тѣ меня лишь тяготить;
Его покорства стыдъ всечасно мой твердить.
Я стану зрѣть, терпя мученіе презлое,
Въ семь лютомъ счастья несчастье прямое.
Услуги отъ враговъ горчаѣ всѣхъ обидѣ.
Ужасенъ для меня Владиміровъ и видѣ.

ВАЛЬМИРА.

Стараяся сіи вообразать мечтанья.
Ты тщишься умножать твои бѣды, страданья.
Почто того себѣ злодѣемъ представлять,
Кто не былъ бы врагомъ, коль меньше бъ могъ
страдать,
Суровость кто твою и гордость позабудетъ
И будетъ рабъ тебѣ, коль презрѣнъ онъ не будетъ?

РОГНѢДА.

Ты о Владимірѣ мнѣ только говоришь;
По Ярополка ты безчестнымъ такъ ли чтишь,
Что онъ, когда его тѣмъ слава увядаетъ,
Что онъ невинную Рогнѣду покидаетъ,
Безъ угрызенія въ преступокъ погружень,
Какъ сущій былъ злодѣй въ порокъ утверждень?
Рогнѣда и одна, вѣрь мнѣ, его тревожитъ;

А ежели свою мнѣ помощь приумножить
Отечество его, которо онъ срамитъ,
И слава skipетра, которую онъ тмитъ,
Сколь сильно бѣ духъ его любовь ни ослѣпляла,
Измѣнникъ сей герой, Рогнѣда имъ пылала:
Самъ братъ ему напоминаетъ долгъ;
Владиміръ любить честь, возлюбитъ Ярополкъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМІРЪ.

Игралище моей немилосердной части,
Тобой размученный, творецъ твоей напасти,
Княжна, къ твоимъ ногамъ дерзаетъ упадать.
Не мысли, чтобъ себя я льстился оправдать.
Иной, загладить тѣмъ свою вину желая,
Сказаль бы, твой отказъ презорный вспоминая,
Что въ пламени любви къ Рогнѣдѣ онъ кипя,
Ее не стоилъ бы, презрѣніе стерпя.
И что тебя лишасъ, вселенну ненавидя,
Стремился, ничего въ отчаяньи не видя:
Но тщетно все, когда стонаетъ грудь твоя.
Страдаешь ты, и смерть вкусить достоинъ я.
Вотъ грудь растерзанна раскаяньемъ, любовью
И обогрѣнная тебѣ дражайшей кровью,
Вотъ грудь врага — отмщай за братій, за отца,
За гибель твоего народа и вѣнца.
Вина моихъ злодѣйствъ, скончай мою казнь люту,
Въ которой мучуся я каждую минуту;

Всякъ часть вкушаю смерть, разгнѣвавши тебя!
Утѣшь несчастнаго, порочна истребя....
Но очи полныя слезами отвращаешь?
Иль, зря раскаянье, ты жалость ощущаешь?

РОГНѢДА.

Я бѣдства всѣ мои въ сей часть хочу забыть,
И, зря Владиміра, могу спокойна быть,
То вѣдая, что онъ свои преступки видя,
Вошелъ въ себя; и всѣ злодѣйства ненавида,
Для блага общества стремяся къ симъ стѣнамъ,
Желанну тишину принесъ съ собою намъ:
Что въ мысляхъ лишь одно отечество имѣя,
Стыдяся въ братѣ зрѣть преступника, злодѣя,
Который предаеть російскихъ плодъ побѣдъ,
Ко должности его и славѣ онъ зоветъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Что я ни говорилъ, на все то не взирая,
Колелется мой братъ; и, славу презирая,
Любовью новою жестоко возмущенъ,
Быть кажется совсѣмъ отъ долга отвращенъ.

РОГНѢДА.

Невѣрный!... сколько тѣ Россіянамъ постыдно!
Такъ къ славѣ рвенія нимало въ немъ не видно?

ВЛАДИМІРЪ.

Не видно. Въ пламенной онъ страсти слѣпъ,
Не видитъ прелестей, къ которымъ сталь свирѣпъ.

РОГНѢДА.

Хоть любить онъ меня, хотя онъ ненавидить,
Нѣтъ нужды больше въ томъ; и онъ сіе увидить,
Что я безъ горести его презрѣть могу.
Рогнѣда я была, Рогнѣду собрегу.

ВЛАДИМІРЪ.

Начни жъ презрѣнемъ симъ скорѣй мое блаженство.
Увидишь скоро ты той страсти совершенство,
Въ которой духъ къ тебѣ Владиміра горить.

РОГНѢДА.

Иль униженія сего твой духъ не зрить,
Въ которое себя навѣки ты ввергаешь,
Что брата обратить ко славѣ средствъ не знаешь.
Владиміръ, скажутъ всѣ, не могъ имѣти силъ....

ВЛАДИМІРЪ.

А нужды нѣтъ тебѣ, чтобъ онъ тебя любилъ?
Признайся, что его не можешь ненавидѣть.

РОГНѢДА.

Но въ чемъ же страсть мою Владиміръ можетъ видѣть?
Измѣнника презрѣть сама мнѣ честь велить.

ВЛАДИМІРЪ.

Но то ль, что́ честь твоя, и сердце говорить?

РОГНѢДА.

Я знаю, слабый духъ того не понимаетъ,
Какъ сердце съ честію Рогнѣда соглашаетъ.
Я знаю, что иной отвержень, посрамлень

Обидой прежнею никакъ не оскорблень,
И возвратясь, еще на новыя дерзаетъ
И слабости свои въ сердца другихъ влагаетъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Я знаю, на меня стремится сей глаголь...
Достоинъ я такихъ, достоинъ лютыхъ золь!
Я знаю, должно бѣ мнѣ тебя забыть, жестока!
И отвратясь моихъ пороковъ отъ истока,
И безъ твоей красы счастливымъ быть умѣть:
Но какъ ни долженъ бы мой духъ того хотѣть,
Съ какою силою себя ни устремляю,
Изъ сердца рвя тебя, я сердце вырываю.
Смертельно пораженъ, виновенъ ли я въ томъ,
Что и безсмертныхъ мнѣ тогда не слышенъ громъ,
Какъ, отчужденъ, тебя съ тобою тратя душу,
Я въ страшныхъ мукахъ всѣ къ тебѣ преграды рушу?
Я виненъ ли, что рокъ, немилосердый рокъ
Въ предѣлахъ мнѣ своихъ толико былъ жестокъ,
Что счастье все мое онъ въ той одной включаетъ,
Которая меня презрѣньемъ отягчаетъ.

РОГНѢДА.

Не проникающій премѣны чувствъ моихъ,
Неправеденъ теперь въ укорахъ ты своихъ.
Какъ ни былъ ты въ своемъ отчаяннѣ мнѣ злостенъ;
Но ты не столько мнѣ, какъ Ярополкъ несносенъ.
Не знаешь ты, что я тебя предпочитаю
И что любить тебя желала бѣ...

ВЛАДИМИРЪ.

Понимаю.

Стремишься ты теперь, съ твоей борясь судьбой,
Ко мнѣ желаніемъ, а къ брату всей душой.
Противъ невѣрнаго ты нынѣ раздраженна;
Но можетъ ли моя тѣмъ участь быть блаженна?
Ахъ! чтя любовь твою превыше я всего,
Колико бы желалъ я гнѣва твоего,
Который болѣе твою горячность кажетъ,
Который лишь грозитъ, но вѣчно не накажетъ,
Который...

РОГНѢДА.

Не желай на мѣстѣ брата быть:
Смертельно бы тебя стремилась не любить.

ВЛАДИМИРЪ.

Тѣмъ больше бы свою любовь ты утвердила;
И сердца твоего обремененна сила,
Стараяся тебя отъ ига свободждать,
Принуждена всегда подъ иго упадать.
Противъ невѣрнаго хотя ты гнѣвъ сугубишь,
Стремяся не любить, сильнѣе только любишь,
Безъ пользы стоны, скорбь скрываетъ гордый видъ;
Чѣмъ болѣе гасишь огонь, тѣмъ болѣе кровь кипитъ.

РОГНѢДА.

Иль стонами любовь являютъ непреложно?
Или во гнѣвѣ намъ стонати не возможно?
Не ясно ли тебѣ вѣщала рѣчь моя,
Что братъ твой гнусенъ мнѣ, что ненавижу я?

ВЛАДИМИРЪ.

Единый ли языкъ любовна страсть имѣетъ?

Не все ль являетъ огонь, коль духъ во страсти тлѣтъ?
Коль сердце пламенемъ объятое горитъ,
Не всѣмъ ли страсть тогда изъ сердца говорить?
Поступки, видъ лица и тайно воздыханье,
Унылы взоры, все, и самое молчанье
Сокрытыхъ въ сердцѣ искръ есть самый ясный видъ.
Яснѣ словъ самихъ тѣмъ пламень нашъ открыть.

РОГНѢДА.

Ты видишь то во мнѣ, что видѣть воображаешь;
Къ безславыю своему Рогнѣду унижаешь,
И, мало чтя меня, себя ты мало чтишь.
Ты мысли, государь, тогда переменишь,
Коль таинство тебѣ души моей открою:
Что я, измѣною лишенная покою,
Прибытя твоего въ сіи мѣста ждала
И мыслью иногда тебя сюда звала.

ВЛАДИМИРЪ.

Когда то такъ, что ты, зря гнусную измѣну,
Познала моя безсмертной страсти цѣну, —
Оставь ты стыдъ свой здѣсь, ступай отсель со мной,
Гдѣ тронъ тебѣ готовъ....

РОГНѢДА.

Смущаяся мечтой,
Теряешь въ слабости тебѣ дражайше время.
Пріявъ на рамена отечества все бремя,
Россіи пользу ты старайся соблюсти
И брата къ должности и славы привести.
Истребуй отъ него рѣшительна отвѣта,
Потомъ приди спросить Рогнѣдина совѣта...

Живѣ опиши безчестіе его...
Почто не возмогу, изъ сердца твоего
Всю слабость истребя, тебѣ тотъ жаръ доставить,
Которымъ бы навѣкъ ты могъ себя прославить;
Который бы въ тебѣ героя показалъ,
Который бы того все сердце растерзалъ,
Превыше Россовъ всѣхъ кто Грековъ почитаетъ?...
О, стыдъ! російскій князь къ Гречанкѣ въ страсти
таетъ,

Побѣды отчески кидаетъ за ничто:
А брата, сносно ли! не возмущаетъ то.
Ступай, героя сынъ, и ополчаясь смѣло,
Съ раченьемъ продолжай начатое ты дѣло.
Проси его, моли для имени боговъ;
Грози ему... Когда жъ уже не станетъ словъ,
Коль честь и все забывъ, и страсти лишь покорень.
Во ослѣпленіи пребудетъ онъ упорень;
Когда намъ помощи ничто не принесетъ:
Тогда я, можетъ быть... но Ярополкъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМИРЪ, РОГНѢДА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Отвергнувъ я предъ симъ мнѣ твой совѣтъ полезный,
Прогнѣвалъ, можетъ быть, тебя, мой братъ любезный!
Оставь сіе, оставь смятенью моему,
Что брату быть не могъ покорень своему;
Что былъ я властвовать безсиленъ надъ собою;
Но днесъ достойно я отвѣтствую герою.

Тебѣ я долженъ всѣмъ: ты честь мнѣ возвратилъ.
О всемъ размыслилъ я, что страстию губилъ.
Увидь во мнѣ теперь желанну перемѣну:
Преодолѣвъ себя, оставлю Клеомену.
А чтобъ яснѣй явить, какъ общество люблю,
Опаснаго ея я брата истреблю.
Поди, оставь меня, и будь теперь спокоенъ.
Благодари боговъ, твой братъ тебя достоинъ.
Увидишь ты, какъ я безчестія брегусь;
Съ Рогнѣдой предъ тобой навѣки сопрягусь.

ВЛАДИМИРЪ, *отходя, самъ къ себѣ.*
Злодѣй!

ЯРОПОЛКЪ, *къ Рогнѣдѣ.*
Но предъ тобой могу ли оправдаться?
Достойнымъ быть тебя я чѣмъ могу ласкаться?
Я извиненія ни въ чемъ себѣ не зрю.

РОГНѢДА.
Зри въ самой той любви, въ которой я горю,
Въ безсмертномъ пламени, что презрилъ ты жестокій!
Въ слезахъ, которыхъ днесъ лютятъ сладки токи.

ЯРОПОЛКЪ.
Избавь меня, избавь отъ зрѣлица сего;
Мученья множишь тѣмъ ты сердца моего,
Сугубишь ты мое ужасное нестройство.
Оставь растерзанна, мнѣ нужно днесъ спокойство.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Еще ли скажешь ты, что мной впадѣтъ страсть?
Еще ль не отдаю надъ сердцемъ чести власть?

СВАДЕЛЬ.

Мужайся, государь, избравъ пути толь строги.
Владѣющимъ собой подобны только боги.
Увиди съ высоты ты твердости твоей,
Сколь гнусенъ прежній мракъ предъ блескомъ тѣхъ
лучей,
Которыми себя ты нынѣ озаряешь;
Ты симъ однимъ уже съ отцемъ себя равняешь.

ЯРОПОЛКЪ.

Чего лишался я, Гречанкою горя!
Я все, что есть, терялъ, на свѣтѣ все презря;
А низость, вѣчный стыдъ тому едины слѣдства.
Какія за собой любовь влечетъ намъ бѣдства!
Тронъ, славу, пользу все, взоръ лестный помрачалъ.
Я счастье въ немъ одномъ и жизнь мою встрѣчалъ.
Но то все минуло; ты будешь мнѣ свидѣтель.
Открывшимъ очи какъ прелестна добродѣтель!

СВАДЕЛЬ.

Чтобы героемъ быть, одной предайся ей.

ЯРОПОЛКЪ.

Какую горестъ я вкушалъ въ любви моей!

Жестокая! за всѣ сердечны восхищенья
Давала желчь вкушать мнѣ злѣйшаго мученья!
Какіе проводилъ мучительны часы!
Но то все кончилось.... Надѣясь на красы,
Иль думаетъ она, что ввѣкъ любить я стану,
Что счастьемъ чту питать погибельную рану?
Обманывается, увидить то она.

СВАДЕЛЬ.

Съ какою красотой Рогнѣда рождена!

ЯРОПОЛКЪ.

Когда бъ я упоенъ былъ прежнею отравой
И не стремился бы, гася любовь, за славой,
Сказалъ бы, что всея вселенной красоты
Предъ Клеоменою пустыя лишь мечты;
Что въ сердце радости лія неизреченны,
Безъ ней всѣ кажутся мѣста опустошенны;
Что горестъ самая отъ лютости ея
Отрады всякія пріятнѣй для меня....
Но все прошло. Себя къ Рогнѣдѣ обращаю:
Величіе ея души я почитаю.

СВАДЕЛЬ.

Ты долженъ то, и долгъ и слава то велить.
Съ Рогнѣдой бракъ тебя отъ Грековъ удалитьъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Въ нечаянной такой и лютой переменѣ
Какія горести открою Клеоменѣ!

СВАДЕЛЬ.

Несчастлива ль, счастлива ль, забудь навѣкъ ее:
Привыкни находить въ томъ счастье твое,
Рогнѣду чтобъ любить, ей нравится единой.

ЯРОПОЛКЪ.

Оставленна отъ всѣхъ, гонимая судьбиной,
Стеняща плѣнница, забвенная и мной,
Лишась отца, съ своей раставшия страной,
Теряетъ и меня. Зри часть ея презлостну...
Но должно бѣ умѣрять ей гордость толь несносну,
Свадель!

СВАДЕЛЬ.

Престань о томъ и думать и вѣщать,
Удобно что твое спокойствіе смущать.

ЯРОПОЛКЪ.

Ты мыслишь, я крушусь? Безстрастенъ и спокоенъ,
Пребудетъ Ярополкъ навѣкъ себя достоенъ.
А чтобъ ты зрѣлъ, какъ я за гордость ей плачу,
Я Клеоменѣ днесъ съ тобой предстать хочу.
Пускай жестокая, терзаяся, застонетъ;
Ни плачь ея, ничто меня уже не тронетъ.
Что властвую собой, хочу я доказать.
Пойдемъ.

СВАДЕЛЬ.

Ступай себя предъ нею ты терзать,
И, павъ къ ногамъ ея, въ ней гордость умножая,
Презрѣнны навлекать, свирѣпу обожая;
Предать отечество, россійскихъ плодъ побѣдъ,

И ввергнуться навѣкъ въ пучину страшныхъ бѣдъ.
Я мыслилъ зрѣть тебя ужъ близко храма славы;
Но ты еще далекъ, наполненъ той отравы...

ЯРОПОЛКЪ.

Остатокъ извини ты слабости моей:
Хотя подъ бременемъ колеблюся душой,
Но не страшись того. Твой слухъ теперь внимаетъ.
Послѣдній стонъ любви, котора издыхаетъ.
Совѣту твоему послѣдовать готовъ.
Мнѣ должно ль бѣдствія Гречанку ввергнуть въ ровъ?
Мнѣ должно ли возвестъ къ себѣ на тронъ Рогнѣду?

СВАДЕЛЬ.

Поди ты къ ней теперь свершить твою побѣду.

=====

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИМІРЪ, ВАДИМЪ.

ВАДИМЪ.

Скрѣпясь, сноси ударъ ниспосланный судьбой.

ВЛАДИМІРЪ.

Чѣмъ, Небо! виненъ толь Владиміръ предъ тобой,
Что ты себя его напастью утѣшаешь?
Не ты ль меня, не ты ль къ злодѣйству обращаешь?
Отдай Рогнѣду мнѣ, отдай, свирѣпый рокъ!
Иль будешь виненъ ты, коль буду я жестокъ,
Коль мною кровь врага и брата проліется!

ВАДИМЪ.

Коликой славою Владиміръ вознесется!
Всѣ скажутъ: онъ пришелъ прервать Россіи стонъ;
Героємъ онъ пришелъ, а сталь убійцей онъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Съ какой свирѣпостью, не страстію сгарая,
А только лишь меня терзати онъ алкая
И утѣшаяся погибелью моей,
Къ Рогнѣдѣ обратясь, отвергъ меня отъ ней!
Когда бы не было еще его здѣсь брата,
Презрѣніе любви ея была бы плата.
Не можетъ и теперь злодѣй ее любить;
Но мучится, меня чтобъ только погубить.

Возлюбленну свою онъ хочетъ видѣть мертво,
И ненависти онъ любовь приносить въ жертву.
Не будешь ты, тиранъ, сей радости вкушать.
Сей день назначенъ мнѣ злодѣйства окончать,
Къ которымъ я на свѣтъ произведенъ судьбою!

ВАДИМЪ.

Забывъ, что онъ твой братъ, рви яростной рукою;
Но радостей не жди, совмѣстника поправъ;
Хотя бъ любимъ ты былъ, нашель бы тму отравъ.
Злодѣйствомъ къ счастью достигну не возможно.
Порочныхъ счастье есть только счастье ложно.

ВЛАДИМИРЪ.

Раскаянья мой духъ не будетъ ощущать:
Мнѣ должно умереть; но должно отомщать!
Или для радостей я къ мести прибѣгаю?
Я смертию съ тѣмъ себя навѣки сопрягаю?
Который позабывъ, что братомъ мнѣ рожденъ,
Одною злобою ко мнѣ одушевленъ;
Который, мнѣ пути къ Рогнѣдѣ заграждаетъ...
Сей варваръ злость свою ко мнѣ въ нее вселяетъ.
Я знаю, какъ мной днесъ ругается она.
Къ нему любовію, мнѣ гордостью полна,
Летая въ радости, счастлива и спокойна
И мыслить обо мнѣ не чтитъ меня достойна.
Но вспомнить о себѣ ее принужу я!
Принужу... и рука отчаянна моя
Пронзивши брату грудь и грудь мою несчастну,
Заставитъ клясть ее любовь намъ толь ужасну,
Заставитъ... и ее ко гробу привлечетъ.
Тамъ купно и любви и злобы зря предметъ,

Тамъ въ смертной горести, размученна тоскою
Надъ братомъ возрыдавъ, заплачетъ надо мною.

Къ Вадиму.

Поди, и уготовь послѣдовавшихъ мнѣ
Служити моему отмщенью въ сей странѣ.
Вадимъ, увы! вся въ томъ отрада мнѣ осталась,
Чтобъ часть моихъ враговъ съ моею соравнялась.
Свадель приходитъ при послѣднихъ двухъ стихахъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ВЛАДИМИРЪ, СВАДЕЛЬ.

СВАДЕЛЬ.

Но кто твои враги?

ВЛАДИМИРЪ.

Рогнѣда и твой князь.

СВАДЕЛЬ.

Скажи ты лучше то, скажи не устыдясь,
Что добродѣтель, честь врагами почитаешь, —
Вотъ миръ, который ты со братомъ утверждаешь.
Объемля ты его, готовишь смерть ему;
За то ль, что слѣдуетъ онъ долгу своему?
Се рока твоего рѣшительны минуты
Тирановъ злбнѣйшихъ принять названья люты;
Иль обожаемыхъ владыкъ въ пути вступить,
Съ любовію во всѣхъ сердцахъ безсмертно жить,
Или изъ рода въ родъ со ужасомъ мечтаться.

ВЛАДИМИРЪ.

Могу ль любовію вселенной утѣшаться,
Когда лишаюся Рогнѣды я навѣкъ?
Всѣ къ добродѣтели мнѣ рокъ пути пресѣкъ!

СВАДЕЛЬ.

Скажи, что днесъ тебѣ къ ней путь онъ отверзаетъ.
Для славы твоя твой рокъ тебя терзаетъ.
И къ добродѣтели всѣ смертные текутъ,
Коль счастья пути безтрудно къ ней влекутъ.
Любить ее, то всѣхъ обыкновенно свойство;
Но для нея страдать — вотъ истинно геройство.

ВЛАДИМИРЪ.

Страдати для нея? страдать и я бѣ умѣлъ,
Ее на вышнюю чреду бы я возвелъ,
Для добродѣтели я жизни бѣ могъ лишиться;
Но, ахъ! мнѣ должно днесъ съ Рогнѣдой разлучиться.

СВАДЕЛЬ.

Тѣмъ больше для тебя....

ВЛАДИМИР.

Не внемлю ничего!

И благо нравія жестокость твоего
Отчаянной души не исцѣляетъ рану.
Отдай Рогнѣду мнѣ; или я кровь лить стану!
Не ты ль, жестокой, самъ мнѣ жалость днесъ казалъ?
Жалѣй меня въ сей часъ.

СВАДЕЛЬ.

Жалѣнье ощущалъ

Я къ князю, совѣсти растерзанну грызеньемъ,
Который, собственнымъ размученъ преступленьемъ,
Изъ пропасти злыхъ дѣлъ ко славѣ обращенъ
И добродѣтели лучами освѣщенъ,
То видѣлъ, кто онъ былъ, и самъ себя страшился
И изъ мучителя отцемъ гражданъ явился.
Но гдѣ теперъ сей князь? яви ты мнѣ его:
Я сердца чувства открою для него.
Яви монарха мнѣ, героя, челоуѣка,
Отраду Россіянъ и ужасъ хитра Грека.

ВЛАДИМИРЪ.

Вступающему въ гробъ все тщетно для меня.
Отдай Рогнѣду мнѣ — Владиміръ буду я.
Спаси меня, спаси отечество и брата.

СВАДЕЛЬ.

Но виненъ ли твой братъ? возлюбленной утрата
И смерти злѣйшія ужаснѣе ему.
Подобенъ горестью онъ брату своему.
Скучаетъ жизньню, томится и страдаетъ;
Но другъ его въ пути ко славѣ утверждаетъ.
Сей другъ обоихъ васъ къ мученію влечетъ,
И виненъ въ томъ, что васъ навѣкъ прославить свѣтъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Когда бъ я могъ познать творца моей напасти,
Я сердце бъ растерзалъ сего врага на части.

СВАДЕЛЬ.

Терзай, коль смѣешь, князь! Вотъ сердце предъ тобой,
Сраженно бѣдственной отечества судьбой,

Въ путь славы и тебя влекущее, и брата.
Рази, да будетъ смерть за то Сваделю плата,
Что онъ Владиміра героемъ почиталъ.
Рази.... за общество я смерть встрѣчать дерзалъ
Съ родителемъ твоимъ на ратномъ полѣ брани:
Но подвергаемы враговъ разящей длани,
И смерть тогда сама щадила дни мои.
Коль хочешь, обагри сѣдины ты сіи
За славу Россіянъ остаткомъ литой крови,
На жертву и меня повергни ты любви.

ВЛАДИМІРЪ.

Князей россійскихъ рабъ! какъ можешь ты дерзать
По воли твоя сердца владыкъ терзать?
И презирая насъ, ты какъ возмогъ забыться,
Чтобъ съ дерзостью такой въ безчиніи открыться?
Или забылъ, кто я? Владиміра губя,
Надежду на кого взлагаешь?

СВАДЕЛЬ.

На себя.

Превыше бѣдствій всѣхъ, готовъ оставить землю,
Спокоенъ въ совѣсти, я страсти грозъ не внемлю.
Не мысли, государь, ты страхъ въ меня вліять:
Отъемля жизнь мою, не можешь честь отъять.

ВЛАДИМІРЪ.

Не льстися тѣмъ, не льстись: упавъ на мѣстѣ казни,
Властителей твоихъ отверженъ отъ пріязни,
Что ты невиненъ былъ, кто будетъ знать о томъ?
Когда во смертнаго боговъ ударить громъ,
Громъ слыша, смертнаго вселенная забудеть:

Хотя бѣ невиненъ былъ, порочнымъ признанъ будетъ.

СВАДЕЛЬ.

А если и весь міръ, неправедно судя,
Съ презрѣніемъ меня ко гробу проводя,
Предразсужденія объятый темнотою.
Одѣнетъ честь мою порока гнусной мглою,
Довольно, ежели покорствуя судьбѣ,
Что безпороченъ я, вспомню самъ себѣ;
И славы звучныя почтеннѣе свидѣтель.
У гроба предстоять мнѣ будетъ добродѣтель.

ВЛАДИМІРЪ.

Поди отъ глазъ моихъ; не стѣдишь ты того,
Злодѣй! чтобъ жертвою быть гнѣва моего.
Живи! ты будешь жить, чтобъ совѣстью терзаться
И добродѣтелью твоей всякъ часъ гнушаться:
Ты будешь жить, чтобъ ставъ злодѣйствъ моихъ виной,
Днесь брата моего сразить моей рукой.

СВАДЕЛЬ.

Доколь хоть слабый лучъ блистать очамъ симъ
станеть,
Дотолѣ честь твоя злодѣйствомъ не увянетъ.
Дерзаетъ кто владыкъ отъ страсти отвращать,
Тотъ, не щадя себя, дерзнетъ ихъ защищать.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ, КЛЕОМЕНА.

КЛЕОМЕНА.

Къ твоей, мой князь, къ твоей щедротѣ прибѣгаю!
Я брата твоего всю лютость ощущаю.
За что онъ гонитъ насъ! Всего лишена, я
Послѣднія лишусь отрады моя.
Готовитъ моему онъ смерть младенцу брату,
Закрытой въ будущемъ его вины въ отплату.
Убійства онъ тебя виновникомъ назвавъ,
Въ злодѣйствіи своемъ казаться хочетъ правъ.
Готовъ тиранства мечъ законну власть стремящій:
Князь! человѣчества услыши гласъ стеньщій;
Гласъ добродѣтели невнятный лишь звѣрмятъ;
Героевъ красоту любезну Небесамъ,
И всѣхъ несчастливыхъ то право нерушимо,
Начертано въ сердцахъ, природою гласимо:
Герой не есть герой, коль онъ не человѣкъ.
Тронися жалостью и облегчи мой вѣкъ.
Ахъ! то ли долгъ владыкъ, чтобъ кровь несчастныхъ
лито!

И трудно ль въ счастіи великодушнымъ быти?

ВЛАДИМІРЪ.

Чего желаешь ты?

КЛЕОМЕНА.

Чтобъ только жилъ мой братъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Смотри, какихъ себя лишаешь ты отрадъ.
Борясь сама съ твоей счастливою судьбою,
Отмещешь ты вѣнецъ плѣннаго тобою.

КЛЕОМЕНА.

Удобно ли вѣнцемъ несчастной льстить себя?
Ахъ, нѣтъ, мой князь! я все, что было, погубя,
Несчастье участію моею почитаю:
Не тронъ себѣ, не тронъ, — пустыню избираю.
Отвергни бѣдную въ отеческу страну.
Я съ братомъ тамъ на рокъ излагая всю вину,
Оплакивать свою несчастну долю буду,
И помня то что я, что я была, забуду.

ВЛАДИМІРЪ.

Какія радости найдешь ты въ той странѣ?

КЛЕОМЕНА.

Ахъ! мало ли утѣхъ осталось тамо мнѣ.
Тамъ прахъ отца и прахъ любовника хранится:
Мой тамо съ ними духъ стенаньемъ съединится.
Гдѣ счастлива была, увижу тѣ мѣста,
Въ которыхъ прежде мнѣ дражайшія уста
Съ толикой вѣрностью клялись меня любить.
Могу ли, государь, гдѣ счастливѣе быти?
Съ Фаретомъ гдѣ была, чертоги тѣ найду,
Гдѣ хаживала съ нимъ, по тѣмъ тропамъ пойду.
Кропя слезами ихъ, я стану утѣшаться;
Которымъ онъ дышалъ, тѣмъ воздухомъ питаться.
Тамъ будетъ все о немъ тоскѣ моей твердить,
Фарета тѣнь вездѣ я стану находить.

Увижу, гдѣ въ тотъ день.... о, день! о, часть жестокой!
Какъ крови греческой лились рѣками токи,
Герой возлюбленный, готовяся на бой,
Спасенье выводилъ отечества съ собой.
То мѣсто сердце мнѣ укажетъ смертной скукой,
Гдѣ съ нимъ прощаяся, объята страшной мукой,
Уже въ послѣдній разъ навѣкъ простилась съ нимъ.
Предстанетъ мыслямъ то отчаяннымъ моимъ,
Какъ я идущаго его на мѣсто брани,
Простерши съ высоты трепещущія длани,
Шла духомъ въ слѣдъ ему, глазами проводя,
Въ отчаянны бѣды предвѣстье находя,
Стенаньемъ, знаками обратно призывала
И, ахъ! вторично съ нимъ проститься я желала;
Узрю, гдѣ онъ, разя, враговъ остановилъ,
И гдѣ сражался такъ, какъ онъ меня любилъ;
Гдѣ строгій рокъ его пресѣкши дней течение,
Мой вѣкъ преобративъ въ плачь вѣчный и мученье.
Не могши наконецъ всѣхъ горестей стерпѣть,
Лобзая гробъ его, могу я умереть.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМИРЪ, РОГНѢДА, КЛЕОМЕНА,
СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, *къ Владимиру.*

Се часъ насталь, тобой толико ожидаемъ,
Явить, какъ ревностно мы къ обществу пылаемъ.
Гречанку гордую оставилъ я навѣкъ.
Да радуется Россъ и да трепещеть Грекъ.

Уже свѣтильники на алтаряхъ пылають,
Твои миръ со мной, мой бракъ съ Рогнѣдой
возвѣщаютъ.

Лишь только вѣчнымъ съ ней союзомъ сопрягусь,
Надменныхъ Грековъ сихъ я кровью обагрюсъ,
И брата истребя противной Клеомены,
На Константиновы я устремлюся стѣны:
Владимиръ твердый самъ поборникъ будетъ мнѣ;
И лавры мы пожнемъ въ той самой сторонѣ,
Гдѣ оныхъ сѣмена посѣялъ нашъ родитель.
Какъ я, подобно такъ ты страсти побѣдитель.
Забывъ прошедшее, со мною увидишь въ храмъ,
Предъ самымъ алтаремъ гдѣ бракъ....

ВЛАДИМИРЪ.

Я.... буду тамъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Но твой суровый видъ не дружбу предвѣщаетъ;
Иль огонь твоей вражды ко Грекамъ угасаетъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Ты въ храмъ меня зовешь, во храмъ буду я.

Указывая на Рогнѣду.

Довольно ли сего для радостей ея?

Къ Рогнѣдѣ.

Но счастливой себя ты рано считаешь.
Напрасно въ радостяхъ ты мыслями летаешь:
Къ веселью, кажется, готово все теперь,
Согласны боги въ томъ; я живъ.... богамъ не вѣрь!

РОГНѢДА.

Какое право ты имѣешь надо мною?
Не ты ль мою лиль кровь свирѣпою рукою?
Не ты ли и отца и братьевъ растерзалъ?
Не тѣмъ ли къ моему ты сердцу путь сыскалъ?
Тиранъ! лишь только я тебя воображаю,
Отъ страха трепещу, отъ горести стоною.

ВЛАДИМИРЪ.

Все знаю то, чѣмъ я виновенъ предъ тобой;
Но мнѣ тебя любить предписано судьбой:
Но мнѣ страданія сносить нельзя ужъ болѣ.
Была ль ты отъ меня когда въ такой злой долѣ?
Не льстись, свирѣпая, спастися отъ меня!
Я живъ еще, я живъ, и я горю стена.
Страшись! еще твое блаженство не свершено
И остріе еще мнѣ въ сердце не вонзенно.
Коль хочешь отъ моей избавиться любви,
Ищи спасенія себѣ въ моей крови,
Блаженства твоего ищи въ моемъ ты гробѣ.
Вотъ тамъ конецъ любви и мукъ моихъ и злобѣ!
Я живъ!... ничто съ тобой не разлучитъ меня —
Ни брата кровь, ни громъ, ни ненависть твоя.
Хотя бъ отъ рукъ твоихъ мнѣ рокъ судиль умрети,
Съ тобой спрягусь, чтобъ мигъ тебя моею зрѣти.
Терзайте днесъ меня и лейте кровь мою, —
Или безъ жалости я вашу пролію.
Тираны! смерть свою мою упредите
И до злодѣйствія меня не допустите.
Самъ храмъ святой меня не можетъ удержать;
Убійца былъ для ней, и буду святотать.
Я тамо кровь лія отчаянной рукою,

Не видя и самихъ безсмертныхъ предъ собою,
Разруша алтари, одну Рогнѣду зря,
Достигну до нее, перуновъ громъ презря!!

ЯРОПОЛКЪ.

На что перуновъ громъ? — моей руки довольно
Остановить твое стремленье своевольно.
Чего любовь сама содѣлать не могла,
То дерзость днесь твоя во мнѣ произвела:
И если бъ я ее и смертно ненавиждѣль,
Сопрягшася меня ты съ нею бы увидѣль;
Чтобы явить тебѣ, сколь мало я страшусь,
И чтобъ тебя терзать, всего, что есть, лишусь.

ВЛАДИМИРЪ.

Чтобъ грудь твою пронзить, вотъ вся моя отрада.
Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

РОГНѢДА, ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, къ *Рогнѣдѣ*.

Межъ нами рушилась теперь ужъ вся преграда,
Ужъ больше униженъ не будетъ Ярополкъ.
И польза общества, и честь и самъ мой долгъ
Свѣтильникъ воспала неугасимый брака,
Прогнали страстнаго остатокъ весь призрака,
Чѣмъ столько я себя на тронѣ помрачалъ.
Забудь все, чѣмъ твою я душу огорчалъ;
Во храмѣ, на моемъ возвышенная тронѣ,

Во мнѣ измѣнника забудь въ моей коронѣ.
Узри совмѣстницу поверженну къ ногамъ,
Замѣшанну въ толпѣ, причисленну къ рабамъ,
Забвенну, презрѣнну и жалости достойну.
Ступай передъ боговъ, имѣя мысль спокойну,
Увидишь тамъ меня достойнаго тебя.

РОГНѢДА.

Минушаго и тѣнь изъ мыслей истреба
И вѣря вшедшаго въ себя героя чести,
Иду передъ боговъ, карателей злой лести.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ты гордостью своей лишилася всего,
Содѣлала врагомъ владыку твоего:
Ты вмѣсто скипетра оковы принимаешь,
И брата, и себя, и все пренебрегаешь,
Чтобъ только радости свирѣпья вкушать,
Презлѣйшу ненависть ко мнѣ вовѣкъ питать.
Желала ты меня злодѣемъ лютымъ видѣть;
Утѣшься, стану я смертельно ненавидѣть:
Тобою омерзень, мнѣ въ гнѣвѣ каждый Грекъ
Теперь быть кажется гнуснѣйшій человекъ;
Ихъ гибель съ твоего начну любезна брата...

КЛЕОМЕНА.

Рази; но помни, то послѣдня мнѣ утрата:

Рази, и дней моихъ ты узель разрѣши.
Ужъ не останется для горестной души,
Всего лишенной, чѣмъ на свѣтѣ веселиться;
За братомъ и сестра во гробъ переселится...
Но человѣкъ ли ты, или лютѣйшій звѣрь?
Отверзи мнѣ безъ мукъ гробницы мрачну дверь:
Иль столько можешь ты несчастну ненавидѣть,
Чтобъ, смерть дая вкусить, хотѣть въ терзаньяхъ
видѣть;

Чтобы очамъ моимъ явить сей страшный видъ,
Какъ варварска рука младенца поразить,
Какъ братъ, невинный братъ влекомъ на мѣсто казни,
Не зная ничего, безъ злобы, безъ боязни
Объемля, станетъ тѣхъ мучителей ласкать,
Которы повлекутъ безгласнаго терзать?
Скрой видъ сей отъ меня кончиною моею.
Свирѣпою рукой сраженная твоею,
Во гробъ счастлива, не буду зрѣть того,
Какъ въ сердце мечъ вонзишь ты брата моего:
А можетъ быть, сестры ты кровью утоленный
И тѣнью жалостной моею умоленный,
Несчастну вспомянувъ, которую любилъ,
Которую терзавъ, свирѣпо умертвилъ,
Чтобы пожертвовать мнѣ пагубной любви,
Во братѣ сохранить моей остатокъ крови.

ЯРОПОЛКЪ.

Постой. Я чувствую, что я еще люблю;
Но я въ послѣдній разъ мой громъ остановлю.
Тебя, упорную, на тронъ ведущу року,
Впослѣдни умолять унижуся жестоку.
Впослѣдни... помни то! для имени боговъ!...

Уже и брачный храмъ и острый мечъ готовъ...
Трепещешь... трепещи! я самъ себя страшуся!
Когда теперь твоимъ упорствомъ огорчуся...
Въ ужаснѣйшемъ душа волненіи моя...
Я брата поражу... умрешь... умру и я!
Рѣшишь въ сей часъ... вотще потоки слезъ сугубишь.

КЛЕОМЕНА.

Коль тѣмъ виновенъ братъ, что ты несчастну любишь,
Которая любить не можетъ никого...
Готова жертвой быть спасенія его.
Влеку меня отсель на смертное закланье;
И, презираючи страдающей стенанье,
По брачномъ торжествѣ вели готовить гробъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Довольно ли сего ко обличенью злобъ,
Которыя ко мнѣ, жестокая, питаешь?
Но тщетно утомить мою любовь желаешь.
Чѣмъ болѣ мучишь ты, тѣмъ болѣ я люблю,
И если я тебя, несклонную, гнѣвлю,
Коль сердце я твое свирѣпствомъ раздираю,
Оставь отчаянью; ты видишь, умираю!
Во ослѣпленіи противъ меня твоёмъ
Ты хочешь умереть предъ самымъ алтаремъ,
Велишь готовить гробъ: я тронъ уготовляю,
Твою разрушенну страну возстановляю,
На брата твоего излагаю я вѣнецъ.
Я жизнь любить тебя принужу наконецъ.
Въ коронѣ находить нетрудно намъ отрады.
Иль мнѣ за жаръ и той не хочешь дать награды,
Чтобъ жить, чтобъ обладать и Кіевомъ и мной?

Клянуся Небомъ я, клянусь тобой самой,
Клянусь безсмертною къ тебѣ моею страстью,
И каплю слезъ твоихъ считать моей напастью,
Твои желанія всегда предупреждать
И жизнь въ твоихъ очахъ дражайшихъ обрѣтать;
Коль должно, жертвовать тебѣ моею кровью!
Готовься въ храмъ, моей увѣрена любовью:
Что князь твой обѣщаль, исполнить все супругъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, *по некоторомъ молчаніи.*
Безмолвенъ ты, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Ты паки Грекамъ другъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Я послушаніемъ раба усердые мѣрю
Не умствованьемъ.

СВАДЕЛЬ.

Нѣтъ; еще сему не вѣрю.
Не вѣрю, государь, хотя ты самъ сказалъ,
Чтобы вознесшійся твой духъ опять низпаль.

ЯРОПОЛКЪ, *съ гнѣвомъ.*

Свадель!

СВАДЕЛЬ.

Пусть гнусный льстецъ, безславые князя множа,
Предатель общества робѣеть злой вельможа,
Коль очи гнѣвныя властитель обратитъ;
Меня лишь честь твоя и польза Россовъ льститъ.
За нихъ я, государь, твои объемлю ноги,
За нихъ всѣ казни мнѣ твои не будутъ строги.
Вотъ грудь моя — рази! я жити не хочу,
Коль жертвой сей гражданъ напасти прекращу;
И жити не могу, коль князь мой устремится
На гибель общества и онимъ посрамится.
Рази!... на что мнѣ жить? на то ль, чтобъ зрѣть тебя
На тронѣ отческомъ унизивша себя
Изъ обладателя рабомъ любви и Грека?
Отъемли, государь, остатокъ слабый вѣка
Того, героямъ кто служити пріобыкъ;
Иль жизнь во мнѣ оставь, ты ставши самъ великъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Сокройся отъ меня, мнѣ горестей содѣтель!
Въ пустыняхъ исполняй ты вредну добродѣтель;
Въ изгнаньи ея ты по волѣ веселись,
Ступай, и въ сей же часъ изъ града удались.

Уходитъ.

СВАДЕЛЬ.

Коль князи истину отъ троновъ удаляютъ, —
Невинны только тѣ, кого они караютъ.

=====

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Мнѣ удивительно терпѣніе сіе:
Когда свершается безчестіе твое,
Когда на пышный тронъ, тебѣ опредѣленный,
Измѣнникъ, красотой инья ослѣпленный,
Возводитъ странницу, ругался тобой:
Ты, не тревожася ужаснѣйшей судьбой,
Въ молчаньи, кажется, спокойна пребываешь;
Но симъ молчаніемъ меня ты ужасаешь.
Громъ страшный слѣдуетъ нерѣдко тишинѣ.

РОГНѢДА.

Поди и призови Владиміра ко мнѣ.

ВАЛЬМИРА.

Конечно, премѣнить его желаешь долю,
И счастіемъ...

РОГНѢДА.

Скорѣй мою исполни волю:
Скажи Владиміру, чтобъ онъ пришелъ въ сей часъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

РОГНѢДА, *одна.*

Въ глазахъ свѣтъ меркнетъ, гнѣвъ перерываетъ гласъ!
Восторги ревности! отчаянье смертельно!
Подобное любви отмщенье безпредѣльно!
Вамъ, боги вы мои! вамъ нынѣ предаюсь!
Любовницей была и Фурией являюсь!...
А ты, о, вредна страсть! готовяща намъ гробы,
Преобрати свои огонь во мрачный пламень злобы.
Любовь, которую я толь сладостною чла!
Вотъ радости въ тебѣ какія я нашла!
Я зрю невольницу, тобой превознесенну,
Себя отверженну, навѣки посрамленну.
Она приѣмлетъ скиптръ, а я приѣмлю стыдъ:
Но смерть загладитъ все, и въ гробѣ насъ сравнить.

ЯВЛЕНИЕ III.

РОГНѢДА, ВЛАДИМИРЪ, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМИРЪ.

Не тщетно ль счастьемъ Вальмира мнѣ ласкала?
Могу ль повѣрить я? ты зрѣть меня желала?
Или не такъ тебѣ несносенъ я кажусь?

РОГНѢДА.

Что любишь ты меня, не тщетно ли я льщусь?

ВЛАДИМИРЪ.

Люблю ли я тебя! еще ль сего не знаешь?

Еще ли страсти ты моей не примѣчаешь
Въ отчаяннѣ моемъ, въ очахъ смятенныхъ сихъ,
Въ моихъ восторгахъ всѣхъ, въ несчастіяхъ твоихъ,
Въ свирѣпости, мою затмившей добродѣтель,
Во злодѣяніяхъ, которыхъ я содѣтель,
Въ стенаньяхъ горестныхъ отечества всего,
И, ахъ! родителя въ паденнѣ твоего, —
Во всемъ, что въ ужасъ днесъ Владиміра приводитъ?
О, рокъ! въ несчастьяхъ лишь твоихъ мой духъ
находитъ,
Чѣмъ страсть тебѣ мою зловредну доказать.

РОГНѢДА.

Чѣмъ виненъ предо мной, все можешь оправдать,
И можешь быть ты мнѣ всего милѣй на свѣтѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Могу! кто? я? открой въ дражайшемъ мнѣ отвѣтѣ,
Скажи, что дѣлать мнѣ? должно ль умереть? —
Готовъ лить кровь мою, всѣ бѣдства претерпѣть.

РОГНѢДА.

Но если предъ тобой Ронѣда изъяснится,
Жаръ скоро, можетъ быть, во хладъ преобразится.

ВЛАДИМІРЪ.

Сомнѣніемъ такимъ мое ты сердце рвешь;
Въ часъ радости моей во грудь мнѣ ядъ ліешь.
Что жертва я любви, тебѣ ли сомнѣваться?
Чѣмъ клясться мнѣ, что я готовъ во все вдаваться?
Какихъ боговъ мнѣ знать? Клянусь твоей красой....
Ты вѣришь ли теперь? откройся предо мной

Коль должно не щадить тебѣ на жертву крови,
Я смертью клятву дамъ тебѣ въ моей любви;
Скажи лишь только мнѣ, что должно совершить?
Чѣмъ быть могу я милъ?

РОГНѢДА.

Въ грудь брата мечъ вонзить,
Измѣну наказать, мой стыдъ омыти кровью,
Злодѣйства тѣмъ твои загладить предъ любовью....
Но ты оцѣпенѣлъ; куда твой дѣлся жаръ?

ВЛАДИМИРЪ.

Мнѣ брата кровь пролить? мнѣ?

РОГНѢДА.

Кто жъ свершитъ ударъ?
Коль будетъ жить твой братъ, не буду я твоею.
Нѣтъ способовъ иныхъ владѣть моей душою.
Стенаньемъ варвара прерви Рогнѣдинъ стонъ!
Содѣлавъ столько ты любви твоей препонъ,
Толико оскорбивъ несчастную Рогнѣду,
Ты видишь надо мной нетрудную побѣду;
Любить себя велю, повелѣвая мстить:
Ты можешь то; а! ты не хочешь поразить.

ВЛАДИМИРЪ.

Вообрази себѣ, къ чему меня приводишь;
И къ счастью моему какой ты путь находишь!
Велишь злодѣйствомъ тебя достойнымъ быть!
Братоубійца ты можешь ли любить?

РОГНѢДА.

Нѣтъ нужды: мщеніе въ обидѣ я имѣя,
Зря кровь, могу любить гнуснѣйшаго злодѣя....
Трепещешь!... не страшись.... нельзя порочнымъ быть;
Всему отечеству тѣмъ можешь услужить,
И не злодѣй, герой уже Владиміръ будетъ,
Для блага общества коль братство онъ забудеть.
Сразить его тебѣ колико есть причинъ!
Отца великаго достойный ли ты сынъ?
Герой ли ты? Внимай отечества стенанье.
Ты любишь ли меня? услышь мое страданье.
Зри слезы ярости, которы стыдъ ліетъ,
Которы кровь врага въ минуту пресѣчетъ.
Сугубый тронъ тебя, Владиміръ, ожидаетъ,
Рогнѣда предстоить и быть твоей ² желаетъ.
Лишь только Ярополкъ вздохнетъ въ послѣдній разъ,
Супругой назовешь меня ты въ тотъ же часъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я знаю, Ярополкъ достоинъ лютой казни,
Я знаю, все велитъ презрѣть родства пріязни;
Но низкой хитростью велишь его сразить.
Въ оливахъ мирныхъ мечъ возможно ли укрыть,
Не облакаяся въ безчестье вѣроломства?
Могу ли я не быть злодѣй въ очахъ потомства?
Когда стремится братъ Россіянъ ко стыду,
Себѣ къ безславію, отечества къ вреду,
Пускай уже свое злодѣйствіе свершаетъ
И наше мщеніе съ тобою оправдаетъ;

² Въ исходномъ изданіи здѣсь стоитъ прилагательное мѣстоимѣніе «твоимъ». – *Примѣчаніе издателя.*

А мы, отшедъ отсель къ престолу моему,
Къ защитѣ общества, къ погибели ему,
Отъ Волховскихъ береговъ собравши сильны рати,
Открытою войной пойдемъ врага попрасти,
И не измѣною, побѣдою сразимъ:
Мы далѣ молнію войны распространимъ;
Отъ грома Росскаго тронъ Грековъ потрясется.

РОГНѢДА.

Однако онъ въ сей день съ Гречанкой сопряжется.
Ты хочешь, чтобы я терпѣнъемъ облеклась,
Презрѣнна, со стыдомъ отсель отвлеклась,
И, горестна, враговъ оставила бѣ въ утѣхѣ;
Чтобъ на сомнительномъ еще войны успѣхѣ
Мой духъ отмщенія надежду возлагалъ;
А я хочу, чтобъ днесъ весь Кіевъ возрыдалъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Вообрази себѣ безчестье...

РОГНѢДА.

Малодушный!

Иль ярости одной, иль робости послушный!
Ты не безчестія, страшишься смерти ты.
Поди; стенанія твои — обманъ, мечты.
Безъ жалости меня въ мученьи можешь видѣть.
Ты любишь такъ меня, какъ должно ненавидѣть.
Я средство подаю Рогнѣду заслужить,
Я способы кажу меня достойнымъ быть;
А то Владиміръ все презрѣвъ, уничтожаетъ
И быть любезнымъ мнѣ безчестьемъ воображаетъ.
Поди... достойный братъ злодѣя моего!

О, тѣнь родителя! оставь мою вину,
Которую, собой гнущаяся, кляню,
Что я, смятенная, унизилась въ забвеньи
Къ убійцѣ твоему простерть мои прошеньи:
Оставь; какъ лютымъ я сего врага ни чла,
Его еще въ сей часъ стократъ лютѣй нашла.

Къ Владиміру.

Благодарю тебѣ: твоимъ отриновеньемъ,
Ты разлучилъ меня съ моимъ уничиженьемъ
Быть должною тебѣ, и злобу утвердилъ,
Которой лютый рокъ едва не истребилъ.
Не омрачаясь отмщенія въ надеждѣ,
Ты больше гнусень мнѣ, какъ былъ ты гнусень прежде.
Я къ брату твоему въ сей самый часъ иду,
Грызенье совѣсти ему съ собой веду.
Коль нѣки прелести во мнѣ онъ прежде видѣлъ,
Не мысли, чтобъ меня онъ такъ возненавидѣлъ,
Чтобы не тронуться стенаніемъ моимъ,
Чтобъ равень былъ тебѣ безчувствіемъ своимъ:
Я сердце отворю, явлю, какъ я крушуся.
А ежели уже всѣхъ способовъ лишуся,
Утраченную честь своей рукой найду,
И въ сердце я его со остріемъ войду.
Тамъ смертью помрачу тотъ зракъ побѣдоносный,
Совмѣстницы моей сей образъ мнѣ несносный,
И въ тотъ же часъ сама я съ жизнью разлучусь;
Не могши купно жить, съ нимъ въ гробъ сопрягусь.
Вотъ то намѣренье, которо предпріемлю!
Какъ хочешь рвись, кляни и небо ты и землю,
Но поздно будетъ все: пустымъ ты звукомъ словъ
Не возвратишь меня.

Рогньда хочетъ идти.

ВЛАДИМІРЪ.

Остановись... готовъ....

Постой, жестокая!... твою исполню волю:
Кровь брата съединитъ мою съ твоею долю.
Любовь не сопрягла, спрягаетъ злоба насъ.
Вѣрь: будешь ты моя, и будешь въ сей же часъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Къ чему въ отчаянїи толь лютомъ приступаешь?
Въ какую ты себя опасность повергаешь?
Не видишь...

РОГНѢДА.

Ничего; и видѣть не хочу.

Къ погибели моей я съ радостью лечу,
Лишь только бѣ отомстить.

ВАЛЬМИРА.

Но Ярополкъ вступаеть.

РОГНѢДА.

Спѣши къ Владиміру, скажи, да не дерзаетъ
Еще отмщенію служить моему:
Когда разить, я то сама скажу ему.

ЯВЛЕНИЕ V.

ЯРОПОЛКЪ, РОГНЪДА.

ЯРОПОЛКЪ.

Быть можетъ, мой приходъ твои паче духъ тревожить
И дерзостью моей мои преступки множить;
По я винѣ моей не тщась видѣ правды дать,
Что виненъ предъ тобой, пришелъ тебѣ сказать.
Иной, стараяся невиннымъ показаться,
Подлѣй бы только сталъ, дерзая притворяться;
Иной бы могъ сказать, на мѣстѣ бывъ моемъ,
Что, зря совмѣстника во братѣ онъ своемъ,
Россію утомилъ враждой единокровныхъ:
Завѣсу въ томъ нашедъ для слабостей любовныхъ,
Блаженствомъ общества закрывъ бы свой порокъ,
Явилъ участникомъ въ своихъ преступленияхъ рокъ.
Но къ низкимъ Ярополкъ притворствамъ неспособенъ,
И въ слабостяхъ моихъ я самъ себѣ подобенъ;
Таковъ въ невѣрности, каковъ я былъ любя.
Сражался съ братомъ я, ты знаешь, за тебя;
Но днесъ тебя уже Владиміру вручаю.
Спасеньемъ Россіянъ себя не извиняю.
Неодолимою я страстію горю;
И сердце и престолъ иной навѣкъ дарю:
Не крой и ты себя, свою отверзи душу;
И ежели я твой покой измѣной рушу,
Когда еще того могу достоинъ быть,
Чтобъ гнѣвъ твой на себя хоть мало обратить,
Не притворяясь сама передо мною,
Обременяй меня моею ты виною.
Не гнѣва твоего, молчанія страшусь;

Я скромностью твоей лишь болѣ сокрушусь.

РОГНѢДА.

Не удивляюся, что, сильный бывъ властитель,
Возможешь слабый быть ты клятвъ своихъ
блюститель;

Что славы не храня и не смотря на честь,
На мѣсто мнѣ любви казалъ едину лестъ,
Дщерь князя обманувъ, въ презрѣнїи оставилъ,
И сердце явно въ путь злодѣйствїа направилъ.
Ты больше дѣлаешь: отечество, вѣнецъ
И самъ себя даешь въ плѣненъе наконецъ.
Сынъ побѣдителя стократъ погранныхъ Грековъ,
Уничженїемъ быть хочешь человѣковъ.
Чего иного ждать, кто мало чтить себя?
Невинну оскорбить, достойно то тебя:
Но вѣдай же и ты, что то меня достойно,
Чтобы, презрѣвъ тебя, ждать мщенїа спокойно.
Я пѣнями себя не стану посрамлять;
Еще пылаеть кто, тотъ долженъ укорять.
Не можешь, сею ты утѣхой услаждаясь,
И зря, какъ буду я, стоная и терзаясь,
Моей тоской твое величить торжество,
Тѣмъ сердца твоего возвыся божество,
По пѣняхъ ей моихъ предстать въ покорномъ видѣ:
Не пѣни, государь, но кровь течеть въ обидѣ.
Чтобъ зрѣть меня въ стыдѣ, дерзнувши оскорбить,
Въ единый хочешь день ты слишкомъ счастливъ быть.
Ты стоновъ отъ моей любви не опасайся,
Какъ хочешь тай, гори и въ страсти погружайся
И прелестей въ красахъ инья находи;
Но если вѣришь мнѣ, во храмъ ты не входи.

ЯРОПОЛКЪ.

Отъ пѣней бы твоихъ мой духъ возмогъ смутиться:
А утратить меня Рогнѣда тщетно льстится.
Терзался, мысля быть я виненъ предъ тобой;
Но радуюсь, нашедъ согласную со мной.
Я обманулъ себя, твоихъ зря строгость взоровъ.
Любиму должно быть, чтобъ ждать себя укоровъ.
Спокойно сердце днесъ могу иной отдать.
Давно бы намъ себя престати принуждать
И, отвративъ сердца, не могли съединиться,
Развратомъ таковымъ другъ съ другомъ согласиться:
И ты могла бъ того оставить навсегда,
Кто можетъ быть любимъ, и не былъ никогда.

РОГНѢДА.

Престоль, отца и все на свѣтѣ погубила;
А я тебя, а я, о, варваръ! не любила.
Чтò жъ дѣлала, скажи? искала ль я чего,
Окромѣ одного лишь сердца твоего?
Не скажешь ли, твоей короны я желала?
Не меньше ль твоя держава потеряла?
Новградъ пріять меня мнѣ длани простираль.
Не для тебя ль мой духъ въ немъ князя презираль,
Которому меня, жестокий, ты вручаешь?
Ахъ! чѣмъ ты наградишь за то, чего лишаешь?
Прибавь къ Владиміру всея вселенной власть,
Давать законъ царямъ его пусть будетъ часть,
Отдай и свой вѣнецъ, въ пустыню удалися:
Послѣдую тебѣ, лишь только обратися.
Я тамъ, владѣючи единымъ лишь тобой,
Превыше всѣхъ царей, блаженна той судьбой,
Ни тронамъ, ни богамъ завидовать не буду

И, счастливые всѣхъ, съ тобой весь міръ забуду.
Ты видишь, и теперь еще ты какъ мнѣ милъ;
Люблю невѣрнаго; а если бѣ вѣренъ былъ....

Но ты ни слова мнѣ, тиранъ, не отвѣчаешь,
Потеряннымъ со мной ты время считаешь,
И только ты отсель отвергнуться спѣшишь;
Взираешь на меня, но ты меня не зришь,
И обращая душою съ Клеоменой,
Ты утѣшаешься лютѣйшею измѣной.
Ты здѣсь, но мыслію во храмѣ ты давно;
Ты слышишь только лишь и видишь то одно.
Безмолвенъ, очи ты безъ чувства простираешь:
Ступай, злодѣй, ты мнѣ лишь сердце раздираешь!
Но будешь отвѣчать за низость мнѣ мою,
За стыдъ, за слезы тѣ, которыя лію,
За стоны горестны, за всѣ восторги тщетны,
Которые тебѣ въ сей часъ едва примѣтны,
Которы слышати тебѣ твой огонь претить.
Сокройся отъ меня и скрой съ тобой мой стыдъ!
Все кажетъ мнѣ твою ужасную измѣну;
Ступай на смерть!

Уходитъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Узрю во храмѣ Клеомену.

=====

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНѢДА, *одна.*

Гдѣ я? куда иду?... отчаянна, смятенна,
Судьбиною на край стремнины приведенна,
Я чувствую, паду въ глубоку бездну бѣдъ!
Я слышу, мнѣ любовь, мнѣ жалость вопіеть:
Постой, свирѣпая! къ чему ты приступаешь,
И радостей какихъ отъ мщенія ты чаешь?
Свирѣпою рукой чью кровь теперь ліешь?
Какіе ты плоды со злобы соберешь?
Увидь того, кто былъ тебѣ всего милѣе,
Попранна!... что сего возможно быти злѣе?
Я зрю трепещуща его въ ручьяхъ крови,
О, видъ, ужасный видъ!... се плодъ моей любви....
Геройское чело покрыто смертной тмою!...
Пускай умретъ.... когда спрягается съ иною....
Иную онъ на одрѣ возводитъ и на тронъ!
Иную.... сладокъ мнѣ его смертельный стонъ....
Почто же трепещу? почто же я страдаю?
Ахъ! чувствую, что съ нимъ я купно умираю.
Несчастливая! умри, коль должно умереть;
Но будь невинна.... Мнѣ во торжествѣ узрѣть,
Который такъ меня жестоко оскорбляетъ,
Который до того несчастну презираетъ,
Что въ сей ужасный часъ, смертельный для меня,
Изъ сердца совесть всю и честь искореня,
И вѣдать онъ о томъ гнушается во страсти:

Жива ли я еще въ моей несносной части!
Мнѣ жалость ощущать къ лютѣйшему врагу!
Я ненавиждѣти его не возмогу....
Онъ знаетъ, что ему я въ жертву приносила,
Онъ вѣдаетъ, его какъ страстно бѣ я любила.
Всего лишилась я и все пренебрегла;
И все бѣ въ одной его любви найти могла.
Погибнуть долженъ онъ и заплатитъ мнѣ кровью,
Чего онъ заплатитъ не могъ своей любовью.
Противъ преступниковъ коль громъ небесъ замолкъ,
Я гряну въ гнѣвѣ....

ЯВЛЕНИЕ II.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

РОГНѢДА.

Что? Владиміръ?... Ярополкъ?...

ВАЛЬМИРА.

Во храмѣ Ярополкъ, и жертвенникъ пылаетъ.

РОГНѢДА.

Онъ живъ? злодѣй!...

ВАЛЬМИРА.

И всю вселенну забываетъ.

Я видѣла, какъ онъ, любовью упоенъ,
Неслыханнымъ своимъ безстыдствомъ восхищенъ,
Гордяся гнусностью лютѣйшія измѣны,
Не видя ничего при видѣ Клеомены,

Тебѣ обѣщанный вручая ей вѣнецъ,
Вѣщаль: «Я дѣлаю твоимъ бѣдамъ конецъ.
«Униженна судьбой, своимъ велика родомъ,
«Владѣй какъ мной, такъ симъ подвластнымъ мнѣ
народомъ.»

Потомъ, къ собранію смятенну обратясь:
«Се вамъ владычица!...

РОГНѢДА.

Престань.... О, робкій князь!

Владиміръ гнусный! ты, меча не извлекая,
Сихъ словъ не прервалъ, грудь измѣннику пронзая!
Чего ты ждешь?... И онъ мнѣ хочетъ измѣнить!
Я вижу, должно мнѣ надежду отложить,
Котору на сего я робкаго взлагаю.
Ему ко счастію дорогу предлагаю;
А онъ, я знаю то, онъ медлитъ и дрожитъ.
Постой! то все одна Рогнѣда совершитъ.
Пойду; и, въ ярости, отчаянной рукою,
Не видя ничего въ смятеніи предъ собою,
Повергну перваго представшаго очамъ;
Не пощажу, хотя бъ то былъ Владимиръ самъ:
Мнѣ срама сей злодѣй прибавилъ только къ сраму.

ВАЛЬМИРА.

Стопами томными онъ влекъ себя ко храму.
Онъ шель служить тебѣ, владычицѣ своей,
И на челѣ его, позорище страстей,
Необычайныя я видѣла премѣны.
Страшася гнуснаго онъ имени измѣны,
Братоубійцемъ быть отъ ужаса блѣднѣлъ;
И вдругъ отъ ярости какъ въ пламени горѣлъ,

Когда вообразалъ, что тѣмъ тебя лишится,
Коль мщеніе твое въ сей часъ не совершится.
Я видѣла его имуща грозный видъ,
И видѣда, что онъ въ уныніи дрожить.
Казалось мнѣ, уже и мечъ онъ извлекаетъ,
Казалось, слезы льетъ и горестно стонаетъ,
И словомъ, страсти всѣ его волнують кровь:
Отчаяніе, стыдъ, и жалость, и любовь.
Стремится вихремъ вдругъ, и вдругъ онъ каменѣть.

РОГНѢДА.

Что жъ будетъ наконецъ? имъ радость овладѣть,
Не сдѣлавъ ничего, придетъ передъ меня
Хвалить свою любовь, меня одну вина.
И что онъ сдѣлаетъ?...

ВАЛЬМИРА.

Тебѣ ли сомневаться,
Чтобъ волѣ онъ твоей не сталъ повиноваться?

РОГНѢДА.

Ступай во храмъ, увидь ты робкаго сего,
Всей Фуріи моей влей пламень ты въ него;
Напомни, кто ему готовится въ награду:
Скажи, что въ немъ одномъ я зрю мою отраду;
Что, Ярополкову я мысля видѣть кровь,
Ужъ стала чувствовать къ Владимиру любовь.
Спѣши.... постой.... скажи, чтобъ, мечъ онъ въ грудь
вонзая,

Сказать не позабылъ, что онъ, его терзая,
Моей лишь ярости на жертву предаетъ.
Вся сладость моего отмщенья пропадетъ,

Коль, издыхая, врагъ мой лютый не узнаеть,
Что злость моя одна его во гробъ ввергаетъ....
Что слышу? стонъ и вопль наполнилъ воздухъ весь!

ВАЛЬМИРА.

Конечно, твой злодѣй свой вѣкъ кончаетъ днесъ.
Возрадуйся, твоя свершилася побѣда:
Владиміръ обагрень.

РОГНѢДА.

Несчастливая Рогнѣда!

ЯВЛЕНІЕ III.

РОГНѢДА, ВЛАДИМИРЪ, ВАЛЬМИРА, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМИРЪ.

Свершилось все!... мой братъ!... угодно ль то тебѣ?
Поверженъ Ярополкъ!... я мерзостень себѣ!

РОГНѢДА.

Ужъ нѣтъ его!

ВЛАДИМИРЪ.

Увы! скончался братъ любезный!...
Еще ль не вѣришь?... вѣрь, мои зря токи слезны...
Зря ужасъ на лицѣ, жестокая, повѣрь!...
Я самъ себя страшусь!... довольна ль ты теперь?
Спокойна ль?... торжествуй!... насытилася злоба!
Низверженъ братомъ братъ во мрачны тѣни гроба!
И блѣдень, и кровавъ!... его померкшій видъ

Владиміру Небесъ отмщеніемъ грозить.
Повсюду слѣдуетъ сей страшный зракъ за мною!
Братоубійца я! Мнѣ нѣтъ нигдѣ покою!...
Я зрю, какъ воинствомъ моимъ онъ окружень,
Въ минуту острыми мечами изъязвленъ,
Взирая на меня укоровъ полнымъ окомъ,
Измѣны смерть вкушалъ въ молчаніи глубокомъ.
Я слышу сей его мой духъ пронзившій гласъ,
Которымъ совершилъ онъ свои послѣдній часъ:
«Оставьте, Небеса, вы брату ослѣпленну
«Вину его, не имъ, но страстью сотворенну!...»
Ставь гнусенъ и себѣ, и смертнымъ, и богамъ,
Хотѣлъ бы я въ сей часть себя убѣгнуть самъ!...
Но ты осталась мнѣ единая отрада.
Ужели рушилась межъ нами вся преграда?
О, плодъ, дражайшій плодъ злодѣйства моего!
Ужель все кончилось для мщенья твоего?

РОГНѢДА.

Ахъ, что содѣлалъ ты!

ВЛАДИМИРЪ.

Что злость твоя велѣла,
Въ чемъ кровь противилась, чего любовь хотѣла,
И, словомъ, лютый твой исполнилъ я приказъ.

РОГНѢДА.

Сокройся отъ моихъ, чудовище, ты глазъ!
Не множи моего смертельнаго мученья,
Не представляй ты мнѣ ужаснаго видѣнья
Въ крови омытыхъ рукъ!... Кого ты умертвилъ?
И чью ты пролилъ кровь? и чѣмъ онъ виненъ былъ?

За что? и кто велѣлъ? кто въ томъ тебя наставиль?
И кто судьей тебя надъ княземъ здѣсь поставиль?

ВЛАДИМИРЪ.

Что слышу! Небеса!... не ты ль велѣла мнѣ?
Не ты ль, жестокая? Иль было то въ снѣ?

РОГНѢДА.

Велѣла я; но ты ль то долженъ былъ исполнить
И кровью братнею мѣста сіи наполнить?
Велѣла я; почто ты вѣрилъ мнѣ, злодѣй?
И, ослѣпленіе ты страсти зря моей,
Стремясь къ злодѣйствію, почто не возвратился?
На грудь подъявши мечъ, ты какъ не устршился?
Почто ты не пришелъ еще меня спросить?
Ты, можетъ быть, меня возмогъ бы умягчить.
Но, нѣтъ; ты братниной алкалъ напиться крови,
Ты смерти моя искалъ, а не любви.
Зачѣмъ сюда пришелъ? Ты въ Кіевъ миръ принесъ,
Какой ужасный миръ! источникъ смертныхъ слезъ!
Когда бъ не осквернилъ ты града пребываньемъ,
Когда бы воздуха не заразилъ дыханьемъ,
Еще бы Ярополкъ, въ волненіи страстей,
Пристанища къ бѣдѣ не избралъ бы своей;
Колеблясь, между насъ донынѣ бъ не рѣшился,
И, можетъ быть, ко мнѣ бъ впослѣдокъ обратился.
Ты смерти моя единая вина?
Тобой, злодѣй, всего Рогнѣда лишена!
Тобою дней своихъ Рогнѣда ненавидитъ?
Мнѣ гнусенъ солнца свѣтъ; его Владиміръ видитъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ВЛАДИМИРЪ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМИРЪ.

Чей слышалъ голосъ я? и кто мнѣ здѣсь вѣщалъ?
Рогнѣда ли была? иль адъ ко мнѣ дышалъ?
О, братъ несчастный! О, фурия презлая!
Вадимъ! я виненъ тѣмъ, что злость ея слѣпая
Моею пользуясь несчастной страстью къ ней,
Соединивъ меня со яростью своей,
Прегнуснѣйшимъ въ сей день злодѣемъ учинила?....
О, страшная любовь! ты все теперь свершила.
Любовницы своей невиннаго отца
Лишилъ я и сыновъ, и жизни, и вѣнца:
Противъ отечества и брата вооружился,
Терзалъ моихъ гражданъ, ихъ кровью обагрился!
Къ злодѣйствамъ симъ чего не доставало мнѣ?
Но мало то: я къ сей приблизился странѣ
Подъ видомъ утвердить отечества спокойство,
Во сердцѣ ярость несъ, являючи геройство.
Здѣсь князь и братъ меня какъ друга воспріялъ:
Онъ мнѣ даруетъ то, чего я столь алкалъ:
По храмъ зря меня, меня еще лобзаетъ;
А братъ ему, а братъ во сердце мечъ вонзаетъ!

ВАДИМЪ.

Оставь раскаянье безплодное твое;
И, въ пользу время ты употребя сіе,
Старайся избѣжать гражданей здѣшнихъ злобы.
Ты князя ихъ сразиль.

ВЛАДИМІРЪ.

Пускай готовятъ горбы

Они обоимъ намъ.

Хочетъ заколоться.

ВАДИМЪ, *отнимая мечъ.*

Сбери разсудокъ твой,

И вспомни: обществу ты долженъ самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Гдѣ я?... густая мгла мнѣ очи помрачаетъ.

О, страшна тишина! никто не отвѣчаетъ.

Не вижу я тебя, небесъ пресвѣтлый верхъ.

Живаго кто меня въ подземны бездны свергъ?...

Мое злодѣйствіе.... Какіе скорбны стоны!...

Не здѣсь ли строгіе и праведны законы

Безсмертныхъ истину злодѣямъ казнь вершатъ?

Какія дремлющи свѣщи меня страшатъ?

Во мракъ тартара лишь ужасъ умножаютъ!

Какія блѣдныя мнѣ тѣни угрожаютъ?

То жертвы, яростью пожертвы моей!...

Вотъ слѣдствіе въ страстяхъ заблуждшихся князей!

Кровавые ручьи и виды только мертвы....

А вы, несчастные! моей вы злости жертвы!

Граждане! коихъ кровь рѣками проливалъ,

Страданье ваше все я въ сердце воспріялъ!...

Престаньте мучити порочна, но несчастна,

И сжальтесь надо мной!... о, жалоба напрасна!

Немилосердаго кто хочетъ пощадить?...

И ты, мой братъ, ты здѣсь!... престань вину твердить

Злодѣю твоему, убійцѣ и тирану;

Закрой еще твою дымящуюся рану,

Котора на меня отмщеньемъ вопіеть,
Которая не кровь, но казнь мою ліеть....
Рогнѣда!... Ярополкъ, сокроемся отселѣ!...
Зри страшну фурію въ ея прекрасномъ тѣлѣ;
Смотри, какъ взоръ ея отъ ярости горить;
Взираетъ молніей и громомъ говоритъ.
Какая злость!... Еще ль ты алчешь нашей крови?
Еще ли ищешь ты злодѣйствъ въ моей любви?
Но ихъ умножити что можешь избрѣсть?

ВАДИМЪ.

Спасемъ его, спасемъ, доколѣ время есть!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровенковского сельскаго поселения Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ сель и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrova@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

